

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА

А. И. ГЕРЦЕНА

Литературное наследство Герцена носит своеобразный характер и очень нелегко поддается учету.

Своеобразно уже резкое разделение всего им написанного и напечатанного на две части: напечатанное в России до окончательного разрыва с ней, обгащенное красными чернилами николаевской цензуры, и напечатанное за рубежом, без цензурных купюр.

Писатель русский, с огромной аудиторией в России, читавшийся там от студенческой мансарды до царского дворца, он по праву считал себя перед лицом демократического Запада представителем своих земляков, не мирившихся с режимом николаевщины, и нередко вынужден был печатать наиболее значительные свои вещи вне России. Не раз их первые издания выходили на иностранных языках. «Vom andern Ufer. Aus dem russischen Manuscript. Hamburg, 1850» — говорит титульный лист первого издания знаменитой книги, которая лишь через пять лет появилась в Лондоне по-русски под заглавием «С того берега». В 1854 г. в Jersey печатается «La Russie et le vieux monde. Lettres à W. Linton», и только через четыре года выходит в Лондоне русский перевод этой работы, озаглавленный «Старый мир и Россия. Письмо к В. Линтону, редактору «The English Republic».

Крупнейший представитель русской политической эмиграции, Герцен был связан с самыми разнообразными демократическими группировками Западной Европы; и имя его можно встретить на страницах ряда европейских органов. Он например дает деньги на издание газеты Прудона «La Voix du peuple», числится редактором ее иностранного отдела, печатается там. Ряд статей, вошедших потом в книгу «С того берега», он помещает в журнале Колачека «Немецкий ежемесячник политики, науки, искусства и жизни». Он участвует в немецком же «Kosmos» Эрнста Гауга и в итальянском «Pensiero ed Azione» Мадзини.

У такого несравненного мастера эпистолярной формы, как Герцен, более чем у кого-либо другого письма должны занять подобающее им место в собрании его художественной и публицистической прозы. Собрать письма Герцена — дело очень и очень нелегкое, так как его политические и литературные связи были огромны, переписка — грандиозна и корреспонденты разбросаны по всему свету. Учет этой части литературного наследия Герцена полностью далеко еще не закончен.

Боевая публицистика Герцена в «Колоколе» в значительной части анонимна, и часто очень трудно, а порой просто невозможно решить, что из этих безымянных злободневных откликов принадлежит Герцену целиком, на чем только видны следы его редакторского карандаша, что наконец представляет лишь невольную имитацию Огарева публицистической манеры своего друга.

Уже из этих беглых замечаний видна трудность самого собирания литературного наследия Герцена.

Огромная ценность этого наследия была ясна и его непосредственным современникам. Отсюда еще при жизни Герцена — и, разумеется, после 1855 г. — попытки издать в России отдельные сборники его произведений или даже собрание его сочинений.

О двух таких попытках стоит упомянуть, тем более, что об одной из них недавно напомнили вновь изданные материалы, а другая связана с интересными письмами Герцена, — правда, не только напечатанными, но даже воспроизведенными факсимиле еще в 1901 г., но помещенными в малораспространенном издании, а потому пропущенными даже М. К. Лемке в его капитальном 22-томном издании Герцена.

К ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПОПЫТОК Д. Я. КОЛБАСИНА И А. В. СКАЛОНА

Первая попытка связана с именем Д. Я. Колбасина, близко стоявшего к кружку сотрудников «Современника», особенно к Тургеневу. Через последнего Колбасин и обратился к Герцену по делу об издании его сочинений. 28 сентября 1856 г. Колбасин писал Тургеневу: «Не удивляйтесь странности мысли, которая мне пришла в голову и сильно меня занимает: если увидите Искандера, попросите его, чтобы он предоставил мне право издать все его сочинения, которые, я надеюсь, наша цензура в настоящее время позволит печатать, — разумеется при разных хлопотах с моей стороны, от которых я не отступаю, хотя бы дело дошло до высочайшего разрешения.

Конечно за успех нельзя ручаться, но не должно отчаиваться и в совершенной неудаче... Во всяком случае, отчего не попробовать? а для устранения всяких недоумений пусть он даст краткую записочку, что я, мол, автор того-то и того-то, предоставляю такому-то право издания моих сочинений на два или на три года, — как ему угодно, — на таких-то условиях, потому что я готов ему заплатить, или кому он прикажет, небольшую сумму. Записку такого рода пришлите ко мне, и тогда я приму свои меры...» 8 ноября 1856 г. Герцен писал Тургеневу о своем согласии и просил передать Колбасину, чтобы последний сам уладил отношения с полковником Н. Г. Писаревским, которому незадолго до этого Герцен пошутил, предоставил право подобного же издания. Прислаца была из Лондона и просившая Колбасиним Зуматка. Несмотря на все легкомыслие Колбасина и радужные надежды, которыми обольщались иные русские литераторы в короткие промежутки сравнительных цензурных облегчений, Колбасин, говоря про «все сочинения Герцена», разумел конечно лишь напечатанное в России по 1856 г. Но и от этого пришлось отказаться. Тургенев 24 ноября — 6 декабря 1856 г. писал Герцену, что «славная была бы штука», еслиб позволили хотя один его роман («Кто виноват?»), а сам Колбасин, перепуганный цензурными негодами «Современника», заявлял 2 декабря, что относительно «издания Искандера нечего теперь и думать; будь это месяцами двумя раньше, можно бы было кой-что сделать»¹.

Историю второй попытки рассказал на основании архивных данных М. К. Лемке², но ему, по случайности, остались неизвестными два письма Герцена, воспроизведенные факсимиле, по оригиналам из собрания А. И. Урусова в сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая». СПб., 1901. Оба письма несомненно адресованы к Аркадию Владимировичу Скалону, харьковскому книгопродавцу. Он вступил с Герценом в переговоры об издании сборника его произведений вскоре после того, как при посредстве Огарева право на издание подобного сборника было предоставлено барону Врангелю и П. И. Бларамбергу. Надо полагать, что сами они этим правом не воспользовались, а передали его Е. А. Троян, которая в августе 1870 г. и издала, без имени Герцена, «Раздумье (разные вариации на старые темы)»³. Под таким же заглавием, с прибавлением слов: «Сборник статей И.», представил 11 июня 1869 г. в киевскую цензуру рукопись и Скалон. На соответствующий запрос он должен был назвать автора, и издание не было разрешено. Появление издания Троян, с которым вполне совпадала представленная Скалоном рукопись, устранило препятствия, но, по всей вероятности, он не осуществил своего права. В дополнение к комментариям М. К. Лемке и собранной им эпистолярной повторяем текст обоих писем, интересных для истории появления «Раздумья», для истории текста брошюры «La France ou l'Angleterre?» и особенно ценных по отзывам Герцена о некоторых его собственных произведениях.

Первое письмо, из Ниццы, датировано 13 апреля 1869 г.

Милостивый Государь.

Оба письма ваши — одно адресованное в Женеву, другое сюда, я получил. Предложение ваше мне очень лестно и я его тотчас принял бы, благодаря вас. Но вот какое обстоятельство — месяца полтора тому назад с подобным предложением обратились ко мне из Петербурга с прибавкой «Писем об изуч[ении] природы» и «О дилетантизме»⁴ — я дал мое согласие — и ничего потом не слышал. Постараюсь узнать — что вышло из этого — и если предложивший раздумал — я с величайшей охотой перееду вам право издания. Я извещу вас об этом.

Ниццу я оставляю в первых числах мая (н. с.). Если вам что-нибудь придется сообщить — после 25 апреля н. с. — то прошу вас писать в Женеву Librairie George a Genève], Corraterie.

Я полагаю, что есть разные статьи, писанные мною позже, которые подходят к новым условиям печати. Некоторые я мог бы указать.

Свидетельствуя вам, милостивый государь, искреннее почтение, остаюсь готовым к услугам вашим

Ал. Герцен

13 апреля 1869. Nice (Alp[es] Mar[itimes]).

Второе письмо писано через месяц с небольшим из Aix-les-Bains.

Милостивый Государь

Аркадий Владимирович.

Письмо ваше (24 апреля) исправно дошло, несмотря на мои переезды. Я полагаю, что если к 1 июлю не будет сделано объявления от Петерб[ургских] издателей — то вы можете начать ваше издание. Они особенно хотели перепечатать «Письма об изуч[ении] природы» — может, вам лучше начать с повестей. Я даже советовал бы начать с моей очень незрелой статейки о «Гофмане», пом[ещенной] в «Телескопе», в самом послед[нем] номере⁵. Она представит исторический курьез.

Что касается до статей, писанных впоследствии, я почти убежден, что с легкими выпусками — можно не читать «Прерванные рассказы» — т. е. «Долг прежде всего» — «Поврежденный» — «Мимоездом»⁶ и сверх того ряд статей; «Альпийские виды»⁷ — «За стаканом грога»⁸ и даже часть писем из Франции (первые были в «Совре[меннике]» 1848 г.)⁹. Другие брошюры, вами названные, вряд так ли удобны — разве одна «Франция или Англия?» — перевод, сделанный не мной, плох¹⁰.

Самый затруднительный вопрос ваш — последний. На него я могу только ответить — что у книгопродавца (Corraterie) Георга в Женеве вы можете справиться и кое-что найти.

Если вам нужно еще что узнать, милостивый государь, пишите на тот же адрес Георга — хотя меня в Женеве и не будет.

Насчет материальных условий, гонорара и пр. — полагаюсь вполне на вас и, благодаря за внимание к моим старым трудам, остаюсь готовый к услугам.

19 мая 1869. Aix-les-Bains (Savoie).

Ал. Герцен.

Внимательный читатель конечно обратит внимание на то, что любимый Герценом «Доктор Крупов» не назван им среди тех «Прерванных рассказов», которые «можно не читать», и исключение сделано только для него одного. Трудно сказать, какие «Письма из Франции и Италии», по мнению Герцена, тоже было «можно не читать». Во всяком случае едва ли это первые четыре, писавшиеся под постоянной угрозой николаевской цензуры и, как «Письма из Avenue Marigny», печатавшиеся в «Современнике» 1847 г.: Герцен просит Огарева напомнить Врангелю и Бларамбергу, «чтоб они никак не забыли «Писем из Avenue Marigny» (т. XXI, стр. 297). Что-то большее, чем «исторический» интерес к незрелой юношеской вещи, чувствуется в упоминании «статейки» о Гофмане. Так же насмешливо-любовно пишет о ней Герцен к Огареву: «Хорошо, если бы в сборнике не забыли «Гофмана» — первую статью, помещенную в «Телескопе» рядом с чаадаевской статьей. Это — статья детская, но забавна» (т. XXI, стр. 297).

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА ЗА ГРАНИЦЕЙ И В РОССИИ

Впервые не сборник отдельных произведений Герцена, а собрание его сочинений появилось в 1875—1879 гг. за границей. Это так называемое женевское или эллипидинское (по имени издателя) издание. Оно было осуществлено трудами Н. А. Огаревой и Г. Н. Вырубова, близкого Герцену человека, которого он назначил своим душеприказчиком. Десять томов этого издания, весьма неполного (в нем например почти отсутствуют статьи Герцена из «Колокола», совершенно не даны письма), лишенного каких бы то ни было комментариев, очень небрежного внешне, не имеют никакого научного значения.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

и прочая, и прочая, и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что МЫ Александра Герцена, который НАМЪ Губернскимъ Секретаремъ служилъ, за оказаніе его къ службѣ НАШЕЙ ревности и преданности въ ПАННИ Коллежскіе Секретари писавша восемь годъ двадцать девятого года Декабря преддвину перваго дня Всесвятѣйшіе показавши и учредили: аюже МЫ сего заслуживъ и уредивъ, повелѣли всемъ НАШИМЪ подданнымъ оного Александра Герцена, за НАШЕГО Коллежскаго Секретаря надлежащимъ образомъ признавати и почитать, и МЫ повелѣли, что сего въ сору ему сии НАСЪ Всесвятѣйшіе показавши чинъ только честию и прибылью почитати, каки же зрѣному по данному надѣлать. Ео свидѣтельству чито МЫ се Правительствующему Сенату повелѣли и Государственной НАШЕЮ печатью утвердити повелѣли. Даны въ С.-Петербургѣ Августъ 28 въ 1839 году.

Сенаторъ и Коллежск. Секретарь Александръ Мухоморовъ
(Емпероръ и Цесаревичъ Николай Павловичъ)
Сенаторъ и Коллежск. Секретарь Александръ Мухоморовъ

Полковникъ Александръ Ивановичъ Мухоморовъ

ДИПЛОМ О ПОЖАЛОВАНИИ А. И. ГЕРЦЕНУ 28 АВГУСТА 1830 ГОДА
ЧИНА «КОЛЛЕЖСКОГО СЕКРЕТАРЯ»
Центрархив СССР, Москва

Мысль об издании сочинений Герцена в России явилась в начале 90-х годов у А. А. Герцена, и известный издатель Л. Ф. Пантелеев в 1893 г. обратился в Главное управление по делам печати с соответствующим ходатайством, указав, что в основу задуманного им издания он намерен положить женевское издание. Прошению Пантелеева не было дано ходу, так как министр внутренних дел Дурново не счел возможным «по пустякам беспокоить государя», а без высочайшего разрешения, в силу указа 1871 г., нельзя было печатать в России сочинения эмигрантов¹¹.

С этой неудачной попыткой Пантелеева связан заслуживающий внимания колоритный эпизод из цензурной истории литературного наследства Герцена — доклад цензора Коссовича, составленный им по поручению Петербургского цензурного комитета для представления в Главное управление по делам печати¹².

Цензор начинается с общей характеристики Герцена и делает ее в развязных тонах бульварного фельетониста. Время, когда Герцен казался «грандиозным и обаятельным», давным-давно прошло, и, перечитывая его произведения теперь, «трудно удержаться от полупрезрительной, полуснисходительной улыбки». И это совершенно естественно, так как «главные мотивы, разрабатываемые Герценом с такою, до утомительности, тщательностью и подробностью, для современного читателя ведь все или решены, или сданы в архив». Сюда попал конечно и вопрос о «назревании нового чет-

вертого сословия — «рабочих». Тем не менее чтение Герцена весьма назидательно для русского среднего читателя. О Герцене сложились легенды, его считают «передовым, радикальным бойцом, отчасти анархистом». На самом же деле на страницах его произведений вырисовывается «образ слабого, одаренного притом безграничным самолюбием тунеядца». У Герцена есть несколько коньков — «крайне неприличного свойства. Императора Николая и все его царствование он не выносит, любит кстати и некстати посплетничать насчет так называемых дворцовых переворотов, поднимается иногда на котурны народного трибуна и, наконец, норовит зачастую хвастнуть умеренным атеизмом. Вообще же болтлив, болтлив без конца и часто поэтому повторяется». Эти «коньки» легко удалить.

Не делая по существу возражений к напечатанию сочинений Герцена, цензор делит их на четыре группы: во-первых, дозволяемые к печати безусловно; во-вторых, дозволяемые «с указанными в тексте исключениями»; в-третьих, возможные, но представляющие собою некоторые, хотя в словах и случаях и не особенно значительных, неудобства по политическим мотивам, и в-четвертых, неудобные безусловно. Пропускаемых безусловно оказалось всего 17 номеров, отнесенных в несколько неопределенную третью категорию — хоть и со снисходительными оговорками, но все же взятых под подозрение «по политическим мотивам» — оказалось 11 номеров, неудобных безусловно — 25 номеров. К последним цензор отнес: 1. Дневник. 2. Москва. Петербург. 3. Новгород Великий и Владимир на Клязьме. 4. Письма из Франции и Италии, вступленье. 5. С того берега. 6. Русский народ и социализм. 7. Крещеная собственность. 8. Старый мир и Россия. 9. Вольное русское книгопечатание. 10. Юрьев день! Юрьев день! 11. Поляки прощают нас. 12. Вольная русская община. 13. XXIII годовщина польского восстания. 14. Народный сход. 15. Глава XXX. Не наши. 16. Глава XXXIX. 17. Былое и думы, часть пятая. 18. Русские тени. 19. Без связи. 20. Лишь люди и желчевники. 21. Aphorismata. 22. Еще раз Базаров, письмо второе. 23. За кулисами. 24. Даниил Тьер. 25. Долг прежде всего.

Вредоносность перечисленных вещей, надо полагать, представлялась цензору самоочевидной, ясной уже из заглавий, так как он не сопровождал их списка никакой мотивировкой. Он счел ее необходимой при вещах третьей категории, в которую включены следующие произведения: «1. Тюрьма и ссылка. Автор слишком подчеркивает свое quasi-политическое мученичество. 2. Роберт Оуэн. Встречается довольно много социалистических идей. 3. Два процесса, Not guilty. Оправдание английским судом подозреваемого в покушении на цареубийство. 4. Camicia rossa. Апофеоза Гарибальди народной толпою в Англии. 5. Император Александр I и В. Н. Каразин. Представление Каразина в роли маркиза Позы. 6. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Много сплетен о дворцовых переворотах. 7. Смерть Станислава Ворцеля. Мученики за Польшу. 8. В. И. Кельсиев. Деятельность его за границей. 9. М. Б. и польское дело. В сущности шутовское участие Бакунина в польском восстании. 10. Пароход Ward Jackson. То же. 11. Доктор, умирающий и мертвые. Описание последних минут якобинца».

Но и при такой «чистке» цензору казалось необходимым возможно сузить круг читателей Герцена. Сделать это, по его мнению, нетрудно, — стоит лишь не выпускать в продажу отдельных томов, назначить всему собранию высокую цену (не менее 10 рублей), совсем запретить все без исключения произведения Герцена для публичных библиотек и т. д.

Вслед за Л. Ф. Пантелеевым две таких же неудачных попытки издать сочинения Герцена в России сделал в 1894 и 1896 гг. Ф. Ф. Павленков, купивший у детей Герцена право собственности на его произведения. Через год после смерти Павленкова, в 1900 г., когда в связи с тридцатилетием со дня смерти Герцена интерес к нему очень повысился, душеприказчики покойного издателя возобновили свои попытки, и 21 января 1901 г. им удалось добиться разрешения на издание сочинений Герцена «под ответственностью Главного управления по делам печати за действительное исключение всех неподходящих мест». При составлении доклада¹³, в результате которого было разрешено издание, была несомненно использована записка Коссовича: кое-где оба документа совпадают почти текстуально. Таково например указание доклада на

«местами резкое, критическое и насмешливое отношение к русскому правительству и в особенности к императору Николаю Павловичу» или предложение «печатать сочинения Герцена в общем сборнике, состоящем из нескольких томов, назначить этому сборнику солидную цену, не менее 10 р., не выпускать в продажу отдельных томов или статей... и не допускать сочинений Герцена в частные публичные библиотеки и читальни».

В 1905 г. появилось семь томов павленковского издания. Утверждение М. К. Лемке, что по количеству сочинений оно «еще беднее женеvского», сильно преувеличено, но от полноты, хотя бы приблизительной, оно конечно очень далеко, да и то, что дано, искалено цензурой. Существенное отличие первого русского издания от заграничного — попытка дать в VI томе 48 статей из «Колокола» и переписка Герцена с его невестой Н. А. Захарьиной, занявшая весь седьмой том. Несмотря на значительную неполноту, исключительную скудость, а местами и фактическую недостоверность комментария, сопровождающего каждый том, — для своего времени павленковское издание явилось событием.

Разрешение, данное душеприказчикам Павленкова, носило индивидуальный характер: когда в 1904 г., во время начавшегося уже печатания павленковского издания, московский книгопродавец В. Д. Корчагин захотел получить такое же разрешение, ему пришлось выслушать быстрый отказ, мотивированный тем, что право издания Герцена в России предоставлено лишь наследникам Павленкова и притом на особых условиях.

Таким образом русскому читателю позволялось читать лишь изуродованного Герцена в павленковском издании.

7 августа 1907 г. члены семьи Герцена, задумавшие новое издание собрания его сочинений в России, пригласили для редакторской работы М. К. Лемке, который уже раньше начал огромный труд по изучению жизни и произведений Герцена. Судя по дате редакторского предисловия в I томе—11 июля 1915 г.,—не ранее этого срока можно было приступить к печатанию подготовленных томов. Но уже была война, строгость цензуры удвоилась; для получения разрешения на издание понадобилось совместное согласие Министерства внутренних дел и военной цензуры. Оно было получено, но с условием, чтобы новое издание представляло точную копию предшествовавшего.

Лемке отдавал себе отчет в цензурных условиях, под гнетом которых начиналась его работа. Он заявил в предисловии, что, не считая возможным делать «какие бы то ни было смягчения и перифразы..., выбрасывал все, могущее подать повод к каким-либо недоразумениям с цензурой; но конечно не счел также возможным оставить сделанные купюры без ясного на них указания, и потому все исключенные места замечены рядом черточек».

Издание М. К. Лемке начало выходить еще до революции. Тома I—VIII появились как «издание наследников автора» в 1915—1917 гг. Тома IX—XI изданы уже после революции под фирмой Литературно-издательского отдела Народного комиссариата по просвещению в 1919 г. Тома XII—XXII вышли под маркой Госиздата в течение 1919—1925 гг.

Литературно-издательский отдел Наркомпроса, выступивший как издатель Герцена с IX тома, повторял в 1919 г. и ранее вышедшие. В справедливом стремлении возможно скорее продвинуть в массы сочинения Герцена он сделал это по отношению к первым томам в спешном порядке: по старым матрицам, с «черточками». Начиная с VI тома, во втором наркомпросовском издании стали на особых страничках припечатываться исключения, сделанные до революции. Они делались на одной стороне страницы, чтобы их можно было вырезать и наклеить в соответствующих местах.

С ясными следами цензурных оспин, хотя и прекрасно подлеченных революцией, со швами заплат и вставок издание сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке принадлежит к числу чрезвычайных, исключительных явлений нашей послереволюционной культурной жизни.

Конечно, учитывая возможность упустить что-нибудь из опубликованных уже герценовских текстов, возможность новых находок герценовских автографов, особенно писем, было бы осторожнее не называть издание полным. И тем не менее по бо-

гатству данных текстов герценовской художественной, публицистической и научной прозы, по обилию рукописей и первопечатных изданий, которые привлечены для установления и объяснения дефинитивных текстов, по количеству писем Герцена, включенных в издание, труд М. К. Лемке прежде всего поражает своей замечательной полнотой. Его вторая особенность — богатство комментария, благодаря которому он превращается в энциклопедию по Герцену и его эпохе. Энциклопедия эта, занимающая около 800 печатных листов, потребовала от ее редактора долгих лет напряженного труда, ознакомления с огромной печатной литературой, обследования целого ряда архивов и доставила М. К. Лемке непрерываемое право на прочную, долгую, глубокую благодарность всех друзей русской литературы.

Отнюдь не претендуя дать хотя бы беглый обзор и сколько-нибудь полную мотивированную оценку такого грандиозного явления, как сочинения Герцена под редакцией Лемке, которые могут служить ни с чем несравнимым, неисчерпаемым материалом для большого, серьезного, научно обставленного семинария по вопросам редакционно-издательской техники, я смотрю на свои дальнейшие заметки о нем, как на случайные записи, сделанные на полях его во время чтения. Быть может они окажутся полезными для изучения Герцена.

АНОНИМНЫЕ ТЕКСТЫ ИЗ «КОЛОКОЛА» В ИЗДАНИИ М. К. ЛЕМКЕ

Не касаясь пока писем Герцена, а обращаясь только к остальным его текстам в издании Лемке, следует отметить, что количество их сильно выросло благодаря включению впервые юношеской драмы «Вильям Пен», вновь опубликованной автобиографической повести «Елена», нескольких глав из V части «Былого и дум» с рассказом о семейной драме Герцена, а главное благодаря тому, что издание М. К. Лемке впервые уделило надлежащее место статьям и заметкам Герцена из «Колокола».

С точки зрения их принадлежности Герцену эта часть текстов заслуживает особого внимания. Речь идет конечно не о крупных вещах, в большинстве скрепленных полной или сокращенной подписью Искандера, а если и напечатанных в «Колоколе» без подписи, то сразу позволяющих определить автора содержанием, тесной связью с фактическими указаниями переписки, других статей и т. д. Я разумею анонимные небольшие заметки, родившиеся в пылу политической борьбы.

Приписывая подобные опусы Герцену, редактор прежде всего опирался на авторитет Л. А. Тихомирова, выпустившего в 1887 г. в Женеве книгу «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1867)». Тихомиров же основывался на двух важных документальных пособиях: на экземпляре «Колокола», принадлежавшем Жуковскому, который своевременно, по мере выхода в свет, отмечал статьи Герцена, а во вторых, на подобных же пометках в экземпляре, принадлежавшем Герцену-сыну. Несомненно помогал Тихомирову своими указаниями и Г. Н. Выходов. Как заметил и Лемке, все это не избавило книгу Тихомирова от ряда случайных ошибок. Ниже придется указать еще на одну такую ошибку, но сказать, что все они обнаружены, — было бы слишком смело.

Другой ряд анонимных заметок и статей Лемке приписывает Герцену, основываясь «на самом тексте, некоторые замечания и выражения в котором могли быть сделаны только Герценом».

Наконец довольно много номеров Лемке счел принадлежащими Герцену только потому, что, по его личному мнению, «стиль и тон» делают такую принадлежность несомненной. Лемке выделял такие вещи более мелким шрифтом.

Если вместе с Лемке решить утвердительно спорный принципиальный вопрос о возможности, хотя бы и с некоторыми оговорками, включить в собрание сочинений Герцена вещи, приписываемые ему на основании таких признаков, как «стиль и тон», при чем эти последние определяются не какими-либо объективными данными, а лишь одним субъективным «моим мнением», — если встать на этот путь, то количество подобных вещей можно было бы значительно увеличить.

Так например, мне представляется герценовской «по стилю и тону» (особенно в заглавии) отсутствующая в издании Лемке анонимная заметка «Regatta перед окнами

А. И. ГЕРЦЕН В ССЫЛКЕ

Рисунок 1838 г., Владимир

Рисунок был выставлен в 1898 г.

на выставке в память

В. Г. Белинского

А. И. Герцен 1838. Князь

Зимнего дворца» («Колокол», 6, 1 декабря 1857 г.)¹⁴, где рассказывается о деле учителя Московского кадетского корпуса Басистова, уволенного от службы «Иаковом-энтузиастом» (Я. И. Ростовцевым) за то, что он печатно похвалил распоряжение Александра II, запретившего назначать военных воспитателей «в гражданские учебные места».

В л. 10 «Колокола» (1 февраля 1858 г.) помещена анонимная статейка «Ложный донос на нас и безграмотный циркуляр о наших книгах». По поводу официального документа, в ней приведенного, идет такая заметка: «Приславший его [циркуляр] нам говорит, что его сочинил А. И. Левшин; мы не думаем, — его сочинил кто-нибудь из сторожей министерства и то в понедельник утром». По-герценовски или нет звучит «стиль и тон» этой заметки? Мне кажется, что, набранная более мелким шрифтом, она имеет право на свое место в собрании сочинений Герцена. Лемке решил иначе.

То же самое я сказал бы о «Предложении профессорам Харьковского университета» (л. 13, 15 апреля 1858 г.), где рассказывается о профессоре Г. С. Рындовском, который как старшина дворянского клуба разогнал служителей, собравшихся мирно отпраздновать начало «освобождения» крестьян. «Жаль, — прибавляет заметка, — что служители дворянского собрания не знали о том, как Базилевского секли дворовые его люди, — это лечение можно было бы с успехом приложить к профессору терапии». И этой заметки нет в издании Лемке.

Лемке не так уверенно, мелким шрифтом, перепечатывает из л. 28 (15 ноября 1858 г.) анонимную статью о епископе Семашко. Она начинается словами: «Мы получили на-днях некоторые подробности о деле православного разбоя в Гродненской губернии, о котором мы писали в прошлом листе». Эта несомненная ссылка на статью «Секущее православие» (л. 27, 1 ноября)¹⁵, подписанную И-р, т. е. Искандер-Герцен, дает нам право и заметку в л. 28 считать герценовской, более решительно видеть в начинающем ее «мы» не редакторский коллектив в целом, а одного Герцена.

По связи со всем, что писалось о Модесте Корфе в «Колоколе» ранее, несомненно Герцену принадлежит заметка в л. 14 от 1 мая 1858 г.: «Правда ли, что Модест Корф хочет отвечать на нашу книгу о «14 декабря 1825 г.»? Просим и желаем»¹⁶. У Лемке ее нет. Правда, ее нет и у Тихомирова, но еще Лемке видел примеры его ошибок.

Возможны разумеется ошибки в другую сторону, т. е. приписывание Герцену вещей, ему не принадлежащих. Такова несомненно статья «Правила для студентов Московского университета» (59 л., 15 декабря 1859 г.)¹⁷. Лемке доверился книге Тихомирова, где эта статья имеется, и сделал ошибку. Текст заключительной части статьи, то, что идет после самих правил, находится среди черновых бумаг Огарева в Ленинской библиотеке. Это автограф Огарева, черновик с поправками и отменами против окончательной редакции¹⁸.

Случай с огаревской статьей, приписанной Герцену, вплотную подводит нас к двум вопросам — о формах сотрудничества Герцена и Огарева и о Герцене-редакторе.

Лемке указал интересный пример совместной работы друзей над одной и той же статьей: Огарев написал ее основную, главную, часть, а Герцен в записной книжке своего друга прибавил к написанному заключение¹⁹. Эта заметка осталась ненапечатанной в «Колоколе», но не исключена возможность нахождения на его страницах других заметок такого же происхождения, в которых еще не определена герценовская доля. Насколько разрешим вопрос о такого рода «совместных» опусах, можно будет сказать лишь после тщательного обследования рукописей Огарева, особенно прозы, которой до сих пор уделялось мало внимания.

Еще сложнее вопрос об определении вклада Герцена-редактора в таких статьях, где ему не принадлежит целиком определенная часть, а где его редакторский карандаш прошелся по всему анонимно напечатанному тексту. Это относится конечно не только к огаревским вещам.

До нас не дошли ни рукописи подобных заметок, ни корректуры их; объективные данные для определения редакторской доли Герцена следовательно отсутствуют. Говоря субъективно, некоторые заметки провоцируют на признание в них следов редакторской воли Герцена. Такой например представляется мне заметка в л. 72 (1 мая 1860 г.) — «Souvenirs modestes. О мертворожденной цензуре Корфа». Заметка написана несомненно кем-то близким ко двору, к государственному совету, но она местами так остроумна, по ней рассыпаны такие блестящие юморы, что невольно является вопрос: не выправил ли Герцен в значительной мере присланное, не сделал ли вставок? Не принадлежит ли ему заглавие? Он ведь любил и умел при помощи заглавия, сплошь и рядом французского, «заострить», «оперить» полемический выпад. Таким жеждо прочим представляется мне заглавие статьи в л. 98—99 — «L'homme aux camélias et l'homme au gibet» (15 мая 1861 г.).

Вообще пересмотр всего анонимного материала, взятого М. К. Лемке из «Колокола», необходим и должен быть произведен параллельно с обзором рукописей как Герцена, так и Огарева. Он несомненно вызовет редакционные поправки в текстах Герцена, данных Лемке: при исключительных размерах сделанной им работы редакционные недосмотры в ней были неизбежны.

Так например, придется устранить произвольную замену заглавия, имевшегося в «Колоколе». Вместо «Усердный раб Бутенев и великий визирь» (л. 29, 1 декабря 1858 г.) у Лемке, сверявшего текст с недоступной нам рукописью из архива семьи Герцена, стоит заключенное в прямые скобки — «Колокол» в Турции» (т. IX, стр. 425).

Более чем вероятно, что заглавия нет в рукописи, но для неперепечатавшихся статей такого подлинно бесцензурного органа, как «Колокол», печатный, а не рукописный текст является дефинитивным. Пример другого рода редакторского недосмотра дает статья «Поправки, возражения, оправдания (Катакази, Местмахер, Казакевич, Машевский, Старицкий и пр.)». После фразы: «Вот содержание некоторых писем и отрывки их других» Лемке делает подстрочное примечание: «Следует первое письмо о Катакази». Примечание это грешит значительной неточностью. Лемке выпустил вводные и заключительные строки Герцена к заметке о Катакази, да и самое письмо о Катакази, в начальной его части, «Колокол» дает не в подлиннике, а в изложении Герцена, и, опуская это начало, Лемке опускает текст Герцена. Необходимо будет

выяснить какое-то редакторское недоразумение с письмом Герцена от 23 апреля 1867 г., впервые напечатанным Лемке с черновика под заглавием «Письмо к В.»²⁰ Рукопись, хранящаяся в Ленинской библиотеке, не дает ни малейшего указания на адресата. Одно из примечаний Лемке указывает, что этим последним является автор ряда статей под заглавием «Белый террор», напечатанных в «Колоколе». Обращение к этим статьям²¹ делу не помогает: они подписаны: «Один из сосланных под надзор полиции», — и кто этот В., к которому Лемке считает адресованным письмо Герцена, остается неизвестным.

О ПЕРЕПИСКЕ ГЕРЦЕНА В ИЗДАНИИ М. К. ЛЕМКЕ

Письма Герцена, собранные М. К. Лемке, составляют ценнейшую и самую внушительную по количеству номеров часть его издания: оно включает 2082 письма Герцена, при чем большинство из них дано по автографам и свыше 450 напечатано впервые.

В расположении материала, в том числе и писем, Лемке следовал — или старался следовать — строго хронологическому принципу. Поэтому письма не выделены в отдельные томы, а распылены по всему изданию, при чем маленькие записочки в две-три строки иногда совсем затерялись среди больших статей.

В то же время это не переписка Герцена: как правило, даются только письма Герцена. Больше того: если строки Герцена служат припиской к чужому письму, это последнее не воспроизводится, как не перепечатываются и чужие приписки к герценовским письмам.

Об этом нельзя не пожалеть.

Если при печатании сочинений писателя не может быть колебаний в строгом применении правила — давать только то, что принадлежит его перу, то при опубликовании переписки весьма желательно включение писем корреспондентов и обязательно, по моему мнению, воспроизведение приписок. В огромном большинстве случаев, почти всегда, особенно писанные людьми близкими, они органически срастаются с основными письмами и, будучи оторваны от них, обедняют их фактически и эмоционально.

Нельзя не пожалеть также и о том, что в тех случаях, где Лемке дает выдержки из писем к Герцену, он сплошь и рядом делает это по напечатанным текстам, не обращаясь к подлинникам. По отношению к Герцену проверка по подлинникам адресованных к нему и уже опубликованных русских писем должна быть обязательной. Во-первых, лица, писавшие Герцену, были не меньше его самого подозрительны в глазах старой цензуры, и уже это одно сказывалось на тексте напечатанных их писем. А во-вторых, очень много писем корреспондентов Герцена печатала Е. С. Некрасова.

Насколько глубокого уважения и признательности заслуживают ее труды в деле собирания литературного наследия Герцена, Огарева и их плеяды, устройства «комнаты людей 40-х годов» в Румянцевском музее, ныне в рукописной своей части влившейся в подотдел новых рукописей рукописного отделения Всесоюзной публичной библиотеки им. В. И. Ленина, настолько всяческого осуждения заслуживают редакторские приемы Некрасовой при издании писем Герцена и к Герцену. Намеренные и ненамеренные пропуски, искажения, вычеркивания (иногда даже в самом оригинале!) — на каждом шагу.

Эти замечания в полной мере применимы к тем публикациям, о которых сейчас же вспоминают, раз речь заходит о переписке Герцена. Говорю о длинной серии материалов, опубликованных в «Русской Мысли» под заглавием «Из переписки недавних деятелей»²² и широко использованных Лемке на страницах его издания. Вступительная заметка к этой серии подписана буквами А. Г., но ряд документов, хранящихся в Ленинской библиотеке, позволяет утверждать, что главную ответственность за публикации должна нести Е. С. Некрасова.

Пишущий эти строки, работая над текстом писем Н. П. Огарева, имел возможность сверить с подлинниками все материалы, опубликованные под цитированным выше заглавием, и свидетельствует, что редкую строку можно взять на веру, по печатному тексту, без риска впасть в ошибку, порой очень грубую.

Первое, что останавливает внимание, — произвольное разделение на ряд отдельных номеров больших писем, писавшихся несколько дней, в несколько присестов, отмеченных каждый раз новой датировкой. Так на ряд писем разбито огромное письмо, писавшееся 24, 25, 26, 27 октября, 7 ноября 1837 г. и 7 и 8 января 1839 г.²³ На два письма разбито одно, писавшееся 15, 16 февраля 1840 г.²⁴ Письмо от 20 февраля — 1 марта 1840 г. тоже разбито на два самостоятельных опуса²⁵. Помеченная 31 декабря (1844) часть письма, напечатанная в кн. VII «Русской Мысли» 1892 г., стр. 19—21, может быть принята за самостоятельный опус, тогда как она — продолжение письма, начатого 17—29 декабря (1844) и напечатанного в предыдущей книге журнала, стр. 14—22.

Текст дан до последней степени небрежно. Прежде всего в нем много пропусков. Иногда они сделаны явно намеренно. Сюда относятся лакуны на тех страницах, где Огарев излагает свою мистическую религиозно-философскую систему, — в письмах от 18, 29 августа 1836 г., в письмах 1837, 1838 гг., в том письме 1838 г., которое Огарев не думал посылать по почте, так как рассчитывал скоро увидеться с Герценом, а писал, повинувшись neodолимой потребности беседы с другом²⁶, и в письме от 6 марта 1840 г.²⁷ «Я люблю философию», — читаем в напечатанном Некрасовой тексте²⁸. В подлиннике значится: «Я люблю христианство, но смотрю на него с исторической точки зрения, но люблю и философию». В письме 1838 г. после слов: «Религия живет в храме; ее поэзия в толпе. Философия живет в уединении; ее поэзия — тишина ночи и томный блеск лампы. Но все же поэзия высокая, светлая», — после этих слов выпущено: «Апостолы учат на площади, Спиноза проводит бессонные ночи с пером в руке; апостолы и Спиноза равно поэты»²⁹.

К числу намеренных пропусков относятся те, где речь идет об отношениях Огарева к Бакунину. «Что за продолжение боя у Катк[ова] с Бакун[иным] и почему окончание дурно? Объясни. Я уж придумал: вероятно, один другого ударил в рожу, а тот обтерся». После этих слов в майском письме 1840 г.³⁰ печатный текст опустил: «Впрочем, несмотря на мою размолвку с Катк[овым], я должен ему отдать справедливость, он относится к Бакун[ину], как благородство к подлости». В письме 1840 г., после посвященных Бакунину слов: «Мне жаль, что этот человек умеет и что известно наплевать на его голову так, как плюешь на его сердце»³¹, пропущено: «Ты не веришь — слушай. — 1-е. Свидетельство Ботк[ина]: он ладил и разлаживал его отношения к своей сестре, чтоб иметь случай развезжать и жить круглый год на счет Ботк[ина]; 2) Свидетельство Станкев[ича]. Когда Стан[кевич], чувствуя, что он не любит сестру Бак[унину], отказался от супружества [одно слово неразобр.] — Бак[унин] потребовал от него 3 000 р., а потом 15 тыс. руб.; 3) Лицемерство относительно нас, чтоб не потерять деньги, и относительно Катк[ова], чтоб не потерять Ботк[ина]. 3 [так]. От борьбы с Катковым отказался до Берлина, а из Берлина написал, что не может, потому что единственный охранитель своей сестры, приехавшей в Берлин; 4) Распечатал письмо Грановск[ого] к Ефремову и принял его на свой счет и благодарил, что Грановск[ий] его вспомнил (это даже глупо); 5) Шесть лет, не получая денег из дому и не выработывая, жил в Москве на чужой счет. — Воля твоя, все это обозначает величайшего мерзавца, которому я решительно готов отказаться протягивать руку».

Огромное число пропусков не может быть объяснено заранее обдуманном намерением, а явилось просто в результате редакторской неряшливости. Вот наудачу несколько примеров, где набранное разрядкой означает произвольные пропуска, иногда очень заметно искажающие подлинный текст. В письме от 21 июля 1843 г. читаем: «Кто из вас будет симпатизировать со мной в стремлении домой из сих прекрасных стран, в которых я несколько не оживаю духом, а если оживаю, то вовсе независимо от них?»³² В письме от 28 октября 1844 г. тоже пропуск: «ужаснулся сам всех неистовых бредней, написанных ввечеру, и изорвал их. Это вновь доказывает, что утро вечера мудренее. Послезавтра я еду. Опять хочу бродить, смотреть и беситься»³³. В письме от 13—25 сентября 1844 г. — ряд выпусков: «но сколько я в этом случае победил свою натуру — не знаю, кажется, что я окреп, но боюсь хвастаться. Что

П И С Ъ М А

О Б Ъ

ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ.

Искандера.

(Из «Отечественных Записок» 1845—1846 года.)

*Милый Александрович
и Савелью
в знак признания
вашей дружбы*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и Комп.

1845 — 1846.

ОТТИСК «ПИСЕМ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ» А. И. ГЕРЦЕНА ИЗ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» 1845—1846 гг. С АВТОРСКОЙ НАДПИСЬЮ

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

касается до тупости безрасчетной головы — с сожалением должен сознаться в этом непреодолимом пороке, в какой-то лени рассчитывать, которая меня самого бесит. Основа этого — необыкновенное легкомыслие, которое подчас может заставить меня в минуту забыть самое тяжелое прискорбие и переброситься в детскость, веселость, молодечество и т. п.»³⁴

Нечего и говорить о более мелких отклонениях от подлинников, иногда способных подать повод к большим недоразумениям. Мы читаем: «тревожное дело» — надо: «преважное дело». «У нас бывает Бетина, даже одна из ее дочерей — невеста Сатина. Вон оно куда пошло!» читаем мы в печатном тексте. Обращаемся к подлиннику, и оказывается, что дочь Бетины «навестила Сатина». Вместо «дом Матвеева» надо читать «дом Мятелева». Вместо «с удовольствием вижу» должно быть «с удивлением вижу» и т. д. и т. п.

И таким недоброкачественным текстом герценовских корреспондентов Лемке спокойно пользовался рядом с тщательно выверенным текстом самого Герцена! Примеры на каждом шагу, особенно в цитатах из огаревских писем. Напечатано: «сомнение в самом себе и новой вере». Надо: «и в истине новой веры». Напечатано: «душа подавлена». Надо: «Душа недовольна». Напечатано: «активной». Надо: «акцептивной». Напечатано: «страшных слов». Надо: «страшных снов». Напечатано: «покажется милостью». Надо: «покажется малостью». Напечатано: «Ты лучше можешь чувствовать, чем они понимать». Надо: «... чувствовать истину, чем они понимать ее». После: «я недовольна собою» пропущено: «Herr meines Lebens!»³⁵ За крайне редкими исключениями — ни одной вполне соответствующей подлиннику цитаты из огаревского письма.

Некоторые ценнейшие письма к Герцену исчезли со страниц издания Лемке вопреки воле Герцена, благодаря доведенному до последней крайности стремлению редактора дать какой-то исключительно герценовский текст. Поразительный пример этому представляет публикация «Старых писем» (дополнение к «Былому и думам») ³⁶. Заметка кончается словами: «Теперь, на первый случай, поделюсь десятком писем от лиц, большей частью известных и любимых у нас или уважаемых». В «Библиографическом комментарии» читаем: «Напечатано в V кн. «Полярной Звезды» на 1859 г., подлинник не найден. Приведены письма Н. А. Полевого, В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, П. Я. Чаадаева, Прудона и Т. Карлейля». Вот эти-то письма и выкинул Лемке. Но ведь Герцен их выбрал, перевел некоторые из них, напечатал в своей заметке, они — ее органическая часть, и удалять их — резать по живому мясу...

Нельзя не пожалеть, что М. К. Лемке не дал алфавитного указателя писем к Герцену, и не заявить со всей решительностью, что вопрос о собирании и издании писем к Герцену должен быть поставлен на ближайшую очередь.

Здесь должны найтись вещи, не уступающие по интересу и значению письма самого Герцена. Сколько-нибудь приблизиться к удовлетворительному разрешению этой задачи можно будет только тогда, когда станет доступен для изучения архив А. И. Герцена, хранящийся ныне в Женеве у благополучно здравствующей дочери покойного писателя Наталии Александровны Герцен. В день пятидесятилетия со дня смерти Герцена, 21 января 1920 г., в печати сообщалось, что «архив семьи Герцена при первой возможности будет подготовлен Наталией Александровной Герцен при содействии М. К. Лемке к перевезению в Россию»³⁷. С тех пор об этом исключительной важности деле нам не попадалось ни слова...

А между тем, не говоря уже о письмах едва ли не всех выдающихся политических и литературных деятелей Запада, там могут найтись исключительной важности письма от русских деятелей. «С Толстым мы в сильной переписке и портретами обослались», пишет Герцен³⁸. До сих пор в печати не появилось никаких следов этой «сильной переписки». Ничего не было опубликовано и из переписки Достоевского с Герценом, а она несомненно была, судя по некоторым указаниям Достоевского в письмах к А. П. Сусловой³⁹. На ряд неопубликованных писем Бакунина, хранящихся в архиве семьи Герцена, указывает Ю. М. Стеклов⁴⁰. Архив быть может окажется полезным для выяснения судьбы и некоторых до сих пор неизвестных писем самого Герцена.

Таковы например два его письма к Некрасову, о которых последний упоминает в письмах к А. В. Никитенко. Таково неизвестное письмо к М. С. Щепкину от 1847 г.⁴² В печати известны лишь незначительные отрывки из переписки Герцена с В. П. Боткиным, а она была очень оживленной, по крайней мере в 40-х годах. Быть может и ее обнаружит или поможет обнаружить архив Герцена.

В заключение этой главы позволю себе дополнить помещенные у М. К. Лемке письма Герцена четырьмя до сих пор непечатанными новинками. Первая — черновик записки Герцена к С. А. Левицкому.

28 Elmfield House, Teddington S. W. [1863]

Бекли — историк и философ, никогда не участвовавший ни в чем польском — (кроме в танце Polka да и то ненаверно) — которого история цивилизации принята с восторгом в России и пр., имел [неразобр.] издателя хотеть репродукции и просит рекомендовать твоему ходатайству перед Голицыным.

Адресат определяется по карандашной полустертой надписи на обороте, сделанной женским почерком: «Lettre de Hertzén à Lewitsky qui était mon frère» (письмо Герцена к Левицкому, моему брату). Речь идет о двоюродном брате Герцена, Сергее Львовиче Левицком, ранее носившем фамилию Львова-Левицкого. Надпись сделана по всей вероятности его сестрой Софьей Львовной, по мужу Поленовой. Приблизительная дата определяется тем, что адрес, выставленный в заголовке, носят все письма Герцена с 1 июля по 1 сентября 1863 г.

Герцен видимо хлопочет облегчить появление второго русского издания знаменитой книги. Н. Т. Buckle — History of Civilisation in England (Бокль. История цивилизации в Англии). Первый перевод, изданный Н. М. Щепкиным в 1860 г., подвергся преследованиям. Второй (и лучший) перевод, сделанный Буйницким и Ненароком в 1863 г., избежал цензурных неприятностей. Герцен был большим поклонником книги Бокля. Последняя фамилия, заканчивающая записку, написана очень неразборчиво: записка (она хранится в Центральном архиве СССР) носит характер чернового наброска.

Три следующих новинки — записки Герцена к К. С. Аксакову.

I

Предполагая сегодня провести вечер у Вас, почтеннейший Константин Сергеевич, я не знал, что нынче же дают «Жидовку», оперу, в которой я люблю libretto больше музыки, жена не видала ее — а потому я решился отказать себе в удовольствии видеть Вас вечером; надеюсь, что Вы вознаградите меня.

Завтра я тоже в хлопотах, остальные дни совершенно свободен и твердо надеюсь послушать обещанное чтение.

Четверг 11 февраля.

Душевно преданный Вам

А. Герцен.

II

До 11 часов, любезнейший Константин Сергеевич, я дома и буду душевно рад Вас видеть. Я собирался идти к Вам, но Кетчер задержал. — Я, конечно, ^{10/11} (так!) суток провожу дома; что за враждебный дух шутит так зло надо мной, что всякой раз, как Вы хотите подарить мне часок — меня нет дома. Вчера только что вышел на полчаса погулять, узнал с истинной досадой, что Вы были.

Весь Ваш

А. Герцен.

13(?) февраля.

III

Константин Сергеевич наверно не откажется отобедать у меня в четверг в пятом часу — все это в силу проводов шекспирующего Кетчера. — Просим и ждем.

При сем Ваш «Москвитянин».

Дружески преданный

А. Герцен.

Все три записки печатаются с автографов, хранящихся в подотделе новых рукописей Ленинской библиотеки.

На первой записке неизвестной рукой помета, сделанная синим карандашом: «1845 г.» Помета совершенно не верна.

В январе 1845 г. Герцен записал в дневник: «...личное отдаление сделалось необходимым. Аксаков торжественно расстался с Грановским и мною». 26 января того же года он писал Кетчеру: Аксаков «объяснялся со мною и с тех пор не бывает». 17 февраля того же года он еще решительнее сообщал Кетчеру: «Аксаков порвал все сношения»⁴³. Записка Герцена к Аксакову относится к 1843 г. В этот год 11 февраля приходилось на четверг. В этом же году в дневнике две чрезвычайно сочувственных записи о либретто «Жидовки», оперы Галеви: 31 января и 29 октября.

Определить год второй записки затрудняюсь. Во всяком случае она писана не позднее конца мая 1844 г.: Кетчер еще в Москве, Кетчер, Николай Христофорович — врач и переводчик: в годы русской жизни Герцена и первое время эмиграции был большим его другом, а впоследствии — ярким противником «Колокола» и политической деятельности Герцена-эмигранта.

Вероятная дата третьей записки — 29 мая (или немного ранее) 1844 г. Под 30 мая этого года в дневнике записано: «Вчера проводили Кетчера». «Шекспирующим» Кетчер назван потому, что переводил почти исключительно Шекспира. «Москвитянин» — журнал, издававшийся Погодиным в 1841—1856 гг.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕДАКТОРСКИХ ПРИЕМОВ М. К. ЛЕМКЕ

В расположении материала Лемке держался, говоря его собственными словами, «общей строго хронологической последовательности». На равных правах идут друг за другом вещи совершенно разного порядка — надписи на книгах, крупные автобиографические произведения, маленькие записочки, большие публицистические статьи, письма, злободневные политические отклики из «Колокола», приписки в два слова к письму жены, большие повести и т. д. В итоге мелочи сплошь и рядом теряются между крупными вещами, а последние тонут среди массы мелочей.

Каким же хронологическим признаком руководился Лемке при распределении произведений? Датой написания или датой напечатания? И если датой напечатания, то какой именно: первоначальной или последней прижизненной?

Из не очень ясной в методологическом отношении главы предисловия «Определение дат» явствует предпочтение, в огромном большинстве случаев отдаваемое редактором дате напечатания перед датой написания. «Последняя не всегда указывает место сочинения в «собрании», если сочинение напечатано было автором позже, что почти всегда и случалось», говорит Лемке. «Герцен, читая корректуру подобных сочинений, не изменял раз поставленную под ними дату написания, но я, — заявляет Лемке, — считал более важной дату напечатания, потому что в таких случаях есть вероятность предполагать внесение каких-либо поправок, дополнений и пр. при чтении корректуры или путем письменных сношений с издателем книги. При этом важно лишь установить, были ли эти поправки и дополнения сделаны с сознательным привнесением в более раннее произведение элементов эволюционировавшего мирозерцания и позднейшей психологии, или без такого привнесения». В первом случае место произведения определится датой такого «сознательного привнесения», во втором — «произведение можно считать почти соответствующим своей первоначальной редакции и без методологической ошибки дать ему место по дате первоначального написания».

Всегда ли следует Лемке этой принципиальной установке?

Вот в V томе, под 1848 годом, напечатана «Сорока-воровка». Под ней дата: 26 января 1846 г. В ряд произведений 1848 г. «Сорока-воровка» попала очевидно потому, что впервые она была напечатана в февральской книжке «Современника» за этот год. Но ни о каких изменениях, внесенных Герценом в корректуру этой вещи, отделенную двумя годами от первоначально датированного оформления рукописи, Лемке не говорит. Очевидно их не было, — следовательно нет основания для помещения «Сороки-воровки» по дате первоначального напечатания.

тем томе «Былого и дум», Герцен написал к ней предисловие. Мемуарный характер предисловия, подчеркнутый датой — 1862 г. — и бросающий яркий свет на всю вещь в целом, тоже делает из нее нечто другое, чем была пятнадцать лет назад читавшаяся в рукописях и переделанная «в видах цензуры» статейка «Москва и Петербург».

Казалось бы, налицо все данные для того, чтобы, в силу принципиальной установки редактора, только что названные вещи были напечатаны под 1862 годом. Лемке, противореча себе самому, разместил их (да и вообще все двенадцать вещей) под более ранними годами, руководясь датой их первого напечатания. Нечего и говорить, как странно видеть общее заглавие серии «Капризы и раздумье», повторяемое в III, IV и V томах перед каждой статьей отдельно, и статейку с предисловием, датированным 1862 годом, среди произведений 1847 г., или совершенно пустое место после предисловия «Между четвертой и пятой частью».

Количество примеров, подтверждающих, что декларируемая М. К. Лемке принципиальная установка не выдержана, могло бы быть во много раз увеличено, при чем особенно ярки те из них, которые говорят о произведениях, создававшихся и печатавшихся постепенно, длительно, в течение ряда лет.

Таковы, к примеру, «Письма из Франции и Италии». Они размещены в двух томах: письма из Avenue Marigny (первые четыре письма) — в томе V под 1847 г., письма с 5 по 14 — в томе VI под 1850 г. Место первых четырех определено разумеется первым их появлением в печати на страницах «Современника» 1847 г. Помещение же вместе писем 5 — 14 под 1850 г. не оправдывается ни временем их написания (пятое — в 1847 г., четырнадцатое — в 1851 г.), ни — еще того менее — временем их первоначального напечатания: только в издании 1854 г., втором по общему счету и первом русском, появились впервые последние три письма. Под 1850 же год попали у Лемке и два предисловия к «Письмам»: одно ко второму изданию, помеченное «Твикнем, 1 ноября 1854 г.», другое к третьему изданию с пометой «Путней, 1 февраля 1858 г.» Подстрочное примечание к первому предисловию говорит между прочим о «Письмах из Avenue Marigny», но самые «Письма» оторваны от их продолжения, их надо искать в другом месте. Цельное произведение, правда, создававшееся постепенно, длительно, но в конце концов все же оформившееся как единое целое и — чего не надо забывать — не раз издававшееся Герценом в виде одной книжки, раздробилось на отдельные куски, иногда неудачно придвинутые друг к другу. Их надо разбирать и склеивать, если хочешь иметь понятие о «Письмах» в их окончательном виде, а не об эпизодах из истории их создания.

Вообще выбор и воспроизведение текста, наиболее соответствующего окончательной авторской воле, и документированная история создания той или иной вещи, — две эти одинаково важные, но различные задачи часто смешивались в редакторской работе Лемке благодаря принятому им методу «общей строго хронологической последовательности» в размещении материала. Он считал, что только таким образом он сможет развернуть перед читателем биографию Герцена, «моральную, умственную и политическую эволюцию его личности». Но чем пристальнее вглядываешься в применение избранного Лемке метода, тем больше убеждаешься в том, что очень часто результат достигается обратный: вносится путаница в картину эволюции личности Герцена. И как далеко должна идти намечаемая Лемке «строго хронологическая последовательность»? Почему например дневник Герцена за 1842—1845 гг., занимающий в рукописи одну тетрадь, разбит в печати только по годам? Ведь более строгая хронологическая последовательность требовала бы раздробления дневника по месяцам, неделям, а то так и по дням.

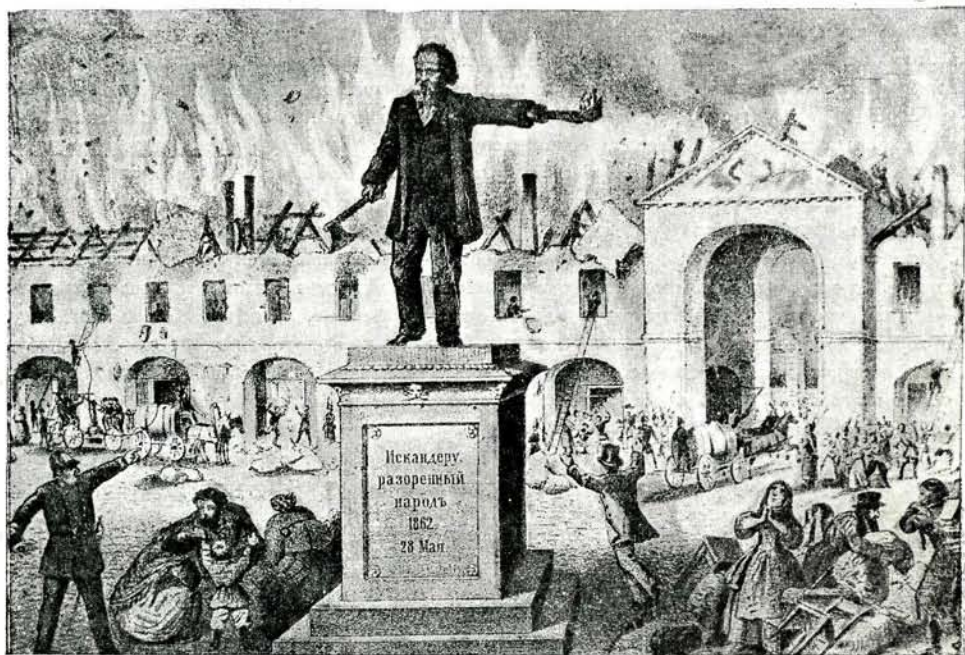
Смещение двух указанных выше задач все время чувствуется не только на размещении материала, но и на том, какой дается текст и какими он сопровождается текстологическими комментариями. Особенно это относится к вещам, имевшим сложную историю еще до печатного станка и впервые выходявшим на чужом языке.

Такова например книга «С того берега». Она составила из ряда статей, писавшихся 2½ года — с конца 1847 по начало 1850, когда впервые вышла в свет на немецком языке. Русское издание появилось в начале 1855 г. и было повторено в 1858 г. Лемке заявляет, что дает текст по первому русскому изданию, но это не вполне соответствует действительности: он внес некоторые изменения и дополнения по

второму русскому изданию, а VI и VII главы переставлены без всякого объяснения этой перестановки.

Первое издание «С того берега» вышло на немецком языке, в издании Hoffmann'a и Campe совершенно анонимно под заглавием: «Vom andern Ufer. Aus dem russischen Manuscript». Перевод на немецкий язык делал не один Герцен: ему оказали большую помощь Г. Гервег и Ф. Капп, домашний учитель в его семье. Считать текст этого издания герценовским надо с известными оговорками. Еще в большей степени это замечание относится к тексту тех вариантов из этого издания, которые приводит Лемке: он разумеется не мог их дать по тому «русскому манускрипту», с которого делался немецкий перевод 1850 г., а дает их в собственном русском переводе. К большому сожалению, я не имел в руках первого немецкого издания 1850 г. и не могу судить, все ли наиболее важное указано Лемке в приводимых им вариантах, не могу судить и о переводе этих вариантов.

Но думаю, что гораздо важнее вариантов из этого не вполне герценовского текста были бы разночтения из рукописных копий двух глав, которыми мог воспользоваться Лемке. Одну копию «После грозы», написанную рукой М. К. Рейхель и исправленную Герценом собственноручно, хранящуюся в Ленинской библиотеке, он лишь упоминает и оставил без всякого внимания, говоря, что напечатанный им текст ярче по языку и более поздний⁴⁴. Другая осталась ему неизвестной. Она тоже хранится в Ленинской библиотеке и сделана рукой Н. Х. Кетчера, — очевидно с того оригинала или собственноручно выправленной копии, которые Герцен частями посылал своим московским друзьям. Это — Addiol!, глава, впоследствии озаглавленная «Прощайте!» и помеченная — Париж, 1 марта 1849 г. Разночтения с текстом издания М. К. Лемке чрезвычайно интересны и многочисленны. Они ярко характеризуют ту струю анархического индивидуализма, которая легко могла одно время захватить Герцена в свой поток. В моем распоряжении находится сейчас временно предоставленная мне Е. Е. Якушкиным копия еще одной главы, тоже снятая Кетчером — «12 ноября

РЕАКЦИОННАЯ КАРИКАТУРА НА ГЕРЦЕНА

Карикатура эта была выпущена русским правительством с провокационной целью связать имя Герцена со знаменитыми петербургскими пожарами 1862 г.

Музей Революции, Ленинград

1848 года» (впоследствии — «Vixerunt»), датированная — Париж, 1 декабря 1848 г. В ней тоже немало разночтений, характерных и для художественных приемов Герцена⁴⁵.

В большой минус Лемке-редактору надо поставить его обращение со своеобразным, выразительным, неподражаемым герценовским языком.

Считая, что стиль Герцена «делает его самостоятельным и до мелочей оригинальным», а орфография «просто не соответствует стилю и иногда не только портит, но прямо искажает мысль автора», Лемке «согласовал ее с точным смыслом текста и с правилами современного правописания; это же сделано и в отношении всех собственных иностранных имен, в написании которых по-русски Герцен часто ошибался».

Это мало вразумительное объяснение отнюдь не скроет от читателя, мало-мальски чуткого к языку, а тем менее оправдает в его глазах, что во многих местах речь Герцена искажена, подправлена, с нее стерт налет присущей ей архаичности. В ранних произведениях Герцен писал в женском роде — портфеля, роля; Лемке поправляет на портфель, роль. Упорное в рукописях написание ценсура переделяется на цензура, приуготовительный на приготовительный, автографичный на автографичный. Неизменная в рукописях Герцена и придающая его речи налет французско-московской барской архаичности буржуазия является у Лемке как буржуазия в ущерб социальной окраске герценовской речи. В статье «Революция в России» текст «Колокола» говорит о кельтических предрассудках, а издание Лемке превращает их в кельтические предрассудки, так что не верно указано, будто текст дан по «Колоколу»⁴⁶. В подлиннике письма Герцена к Н. Х. Кетчеру от 9 ноября 1843 г. читаем по адресу К. С. Аксакова: «Он не токмо татарин, но и турка». В издании Лемке это звучит: «Он не токмо татарин, но и турок»⁴⁷, что даже не последовательно; почему вместо старинного турка поставлено более новое турок, а не менее старинное токмо из заменено только? На французский лад звучит у Герцена имя французского политического деятеля Демостена Оливье. У Лемке, который очевидно решил, что Герцен «ошибся» в этом собственном имени, он превратился в Демосфена Оливье, точно так же, как неизменный у Герцена Людвиг всегда переименовывается в Людовика. В стремлении во что бы то ни стало нивелировать герценовскую орфографию, Лемке стирает художественные штрихи, уничтожает остроты, которых так много у Герцена. Так например, в рассказе «Еще из записок одного молодого человека» Герцен вкладывает в уста эмигранта французскую фразу: «Ah, bahl c'est un célèbre poète allemand, M-r Koethe, qui a écrit, qui a écrit... ah, bahl... la Messiad!»⁴⁸ Все издания, до павленковского включительно, так и сохраняли Koethe — остроту Герцена над эмигрантским знанием немецкой литературы, над эмигрантским произношением немецких фамилий. Лемке счел долгом исправить на Goethe — острота пропала. Герцен всегда писал е д и м, вместо е д е м. Лемке исправляет это правописание там, где на этом построен каламбур: «Видишь ты мы едем исправно, да и едем исправно, а именно стерляжь у уха, в городе во Твери». Я не видел копии Анненкова, с которой печатал Лемке, но, зная обычное для Герцена одинаковое е д и м для первого лица множественного числа обоих глаголов, убежден, что так было в подлиннике и так, ради сохранения остроты, должно остаться.

Огромное богатство и разнообразие комментария делают из издания М. К. Лемке труд исключительного значения, воистину энциклопедию по Герцену и его эпохе.

Знакомство с первоклассным архивным материалом, например с архивом III Отделения «собственной его императорского величества канцелярии», ведавшего политическим сыском, с архивами Сената, Государственного совета, Министерства народного просвещения, с богатой русской и иностранной литературой, иногда уникального характера, вроде рукописного труда Неттлау о Бакунине, позволяют очень часто редактору на страницах своих комментариев давать отдельные законченные этюды. Таковы например страницы об Энгельсоне, очерк о В. Кельсиеве, основанный на его «Исповеди», богатый материал об отношениях Огарева и Герцена, с одной стороны, Некрасова — с другой, этюд о Тургеневе — подсудимом по политическому делу, профили А. А. Тучкова, И. В. Селиванова, Н. А. Мельгунова, И. П. Галахова, экскурсы в

А. И. ГЕРЦЕН С ДОЧЕРЬМИ: НАТАЛЬЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ (НЫНЕ ЗДРАВСТВУЮЩЕЙ)
И ОЛЬГОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ
Женева, 1860-е гг.

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

область отношений Герцена с представителями демократического и революционного Запада и т. д. и т. д. Разумеется иные страницы здесь уже устарели в свете новых данных⁴⁹, иные требуют дополнений. Иные моменты должны быть показаны в другом освещении, вроде того, который дал своему комментарию к «Былому и думам» Л. Б. Каменев. Для последнего в его работе было две основных задачи: «выяснение той общественной и идейной атмосферы, в которой развивались мировоззрение и публицистическая деятельность Герцена, и сопоставление его оценки революционных событий, партий, групп и деятелей с одновременными оценками основоположников научного социализма»⁵⁰.

Как бы то ни было, этот общественно-политический и литературный комментарий М. К. Лемке при всей его весьма заметной хаотичности и необработанности навсегда останется крупнейшей заслугой редактора. Очень жаль лишь, что к комментарию нет тематического указателя. Отсутствие последнего сильно дает себя знать при пользовании монументальным изданием Лемке и особенно досадно при наличии превосходной биографической канвы и двух тщательно составленных алфавитных указателей — собственных имен и всех сочинений и писем Герцена. Надо полагать, тематический указатель не появился по тем же причинам, по которым в издании отсутствуют обещанные в предисловии иллюстрации, «сведения» о них и указатель литературы о Герцене: вследствие тяжелых условий печатного дела, сопровождавших выход в свет последних томов издания М. К. Лемке.

Что касается комментария библиографического, то он отличается тоже редким богатством. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки например VI том и взглянуть на комментарий к «Письмам из Франции и Италии», где воспроизведены рукописные тексты тетрадок, по частям пересылавшихся Герценом московским друзьям.

Разумеется, если в такой огромной работе проверять текст данных вариантов, печатных и рукописных, то всегда найдутся места спорные: этого можно бы не давать, а вот это следовало бы дополнить, это дать в другой редакции.

Так например, в комментарии к главе VIII части VI «Былого и дум» («Лондонская вольница») Лемке указывает, что в оглавлении, сохранившемся в рукописи, она называлась иначе: «Политические подонки». Стоило бы, мне кажется, дать сохранившееся в рукописи заглавие целиком, как вариант. Вот оно: «Политические подонки (так!). Обыкновенные и политические несчастья. — Самобытный протестант. — Ходябщики. — Стилисты. — Русские. — Шпионы». Заслуживал бы внимания и зачеркнутый конец: «Вот и делай уступки да отсрочки, вот и давай верх чувству человеческого сострадания — над чувством обороны и сохранения не только себя — но и целого круга людей!» Совершенно справедливо удивляется Л. В. Крестова, что М. К. Лемке ни единым словом не отметил в комментарии к «Легенде о св. Феодоре», что вместо «религиозное направление» в рукописи «стоит имя Сен-Симона»⁵¹.

Тщетно тревожит любопытство читателя несколько раз упоминаемая в комментарии особая записка Герцена, составленная, по словам Лемке, в 1869 г. для Отарова, хотевшего взять на себя наблюдение за полным изданием «Былого и дум». Она состояла «из самого подробного оглавления «Былого и дум» с указанием нумерации и порядка частей и глав, с указанием источников, откуда надо взять текст, и т. п.»⁵². Никаких следов этой «Записки» нет на страницах издания М. К. Лемке, а между тем при издании V части «Былого и дум» он ссылается на нее, определяя место некоторых глав. В издании, так тщательно собравшем всякую мелочь, написанную рукой Герцена, такое упоминание комментария о рукописи исключительного значения, текста которой не дано, совершенно непонятно.

Не лишним было бы быть может более тщательное внимание редактора к вопросу о русских сотрудниках «Колокола» и других изданий Герцена. Здесь возможны иногда указания на факты, совершенно на первый взгляд неожиданные. Что например из довольно частых заметок о Панине (не только в «Колоколе», но и в «Голосах из России») принадлежит такому неожиданному сотруднику Герцена, как К. П. Победоносцев, хотя бы и во дни его молодости? А он сотрудничал в изданиях Герцена, если верить дневнику А. А. Половцова⁵³. У последнего зашел разговор об А. Н. Пылине с Николаем II, в связи с делами Академии Наук. «...Он [Пылин] в прежние

время был либералом... с годами это прошло; а кто же в молодости не был либералом? Ведь сам Победоносцев писал статьи Герцену в «Колокол».

Государь (вполголоса). Да, я это слышал.

Я. Он сам мне это говорил. Он написал памфлет на гр. Панина».

Богатый комментарий к роману «Кто виноват», прекрасно воспроизводящий впечатление, произведенное этой вещью, я пополнил на полях IV тома одним штрихом, совсем почти неизвестным и дорисовывающим картину. Герцен нашел отражение... в музыке. Мусоргским было написано фортепианное *Impromptu passionné* на эпизод из его романа⁵⁴.

ПУБЛИКАЦИИ ГЕРЦЕНОВСКИХ ТЕКСТОВ ПОСЛЕ ИЗДАНИЯ М. К. ЛЕМКЕ

После издания М. К. Лемке наиболее крупные приращения герценовского текста были даны в «Трудах Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина» — «А. И. Герцен. Новые материалы». К печати подготовил Н. М. Мендельсон, М., 1927 г., стр. 143.

На первое место в этом издании следует поставить «Опять в Париже (продолжение третьего письма из Парижа)» — фрагмент из серии писем «Опять в Париже», входивших в «Письма из Франции и Италии». В полной мере значение этого отрывка, недооцененного редактором, указал Л. Б. Каменев в его недавнем новом издании «Писем». По его словам, вставив отрывок в соответствующее место публикации М. К. Лемке, мы получаем непрерывный и последовательный рассказ о революционных событиях в Италии и Франции с декабря 1847 г. до 15 мая 1848 г., вполне соответствующий — что касается Франции — тому «оглавлению» герценовской «Истории реакции», которую автор набросал в письме к московским друзьям от 2—8 августа 1848 г.⁵⁵

Только что названное письмо, тоже опубликованное в «Новых материалах»⁵⁶, имеет отнюдь не меньшее значение, чем отрывок «Опять в Париже». Посланное не по почте, а «с оказией», адресованное близким друзьям, писавшееся совершенно свободно, без страха перед цензурой или перлюстрацией, оно полно исключительной эмоциональной насыщенности, волнует и теперь и достойно занять почетное место рядом с лучшими страницами «Писем из Франции и Италии», книги «С того берега». Л. Б. Каменев, с некоторыми сокращениями перепечатавший это письмо, находит что «политически оно является необходимым дополнением и комментарием» к только что названным книгам, «ибо в ряде случаев договаривает то, что не попало на печатные страницы». По его мнению, это письмо — «важнейший документ биографии Герцена и один из красноречивейших исторических памятников, связанных с парижским июньским восстанием 1848 г.»⁵⁷

Кроме этого промадного «соборного» письма, писанного ко всем московским друзьям коллективно, в сборнике Ленинской библиотеки еще 24 письма и записки Герцена к близким ему людям. Письма охватывают шестнадцатилетний период — с 1842 по 1858 г., — в большинстве писаны из-за границы, и лишь десять относятся к московской жизни. Среди адресатов — Т. Н. и Е. Б. Грановские (7 номеров), М. Ф. Корш (5), Н. Х. Кетчер (2), Н. П. Огарев (1), В. П. Боткин (1) и Е. Ф. Корш (1). Восемь писем адресовано московским друзьям коллективно.

В том собрании бумаг, которое хранилось у архивариуса московского кружка М. Ф. Корш, а затем — вероятно пополненное А. В. и Е. К. Станкевичами — через Е. В. Герье поступило в Ленинскую библиотеку и попало на страницы ее «Новых материалов», оказались подлинники 62 писем Герцена, которыми Лемке мог пользоваться лишь в копиях П. В. Анненкова из архива А. Н. Пыпина. 32 из них дали материал для второй части сборника Ленинской библиотеки. Сюда вошло 8 писем Н. А. Герцен (Лемке опустил их, воспроизведя лишь приписки к ним Герцена), по одному письму Т. А. Астраковой и Е. Б. Грановской, от чьих писем Лемке тоже отделил приписки Герцена, и 41 приписка разных лиц к письмам Герцена. Издание Лемке даст лишь одну приписку Н. А. Герцен (V, № 456), упоминает о существовании рядом с тек-

стом Герцена писем и приписок других лиц в четырнадцать случаях и обходит молчанием все остальные.

На основании тех же 62 писем в конце сборника даны поправки к тем текстам, которые М. К. Лемке напечатал с копий П. В. Анненкова. Не знаю, в какой пропорции должны разделить между собой ответственность Анненков и Лемке, — знаю лишь, как сильно поблелел, а местами и исказился текст Герцена на страницах издания Лемке.

Не могу упустить случая для исправления и своих редакторских недосмотров.

Один из них состоит в том, что напечатано с подлинника, без даты, как новинка, письмо к друзьям⁵⁸, которое было уже воспроизведено М. К. Лемке с анненковской копии, как адресованное «к Е. Ф. Коршу, Н. Х. Кетчеру, М. Ф. Корш и др.», и предположительно датировано апрелем 1856 г.⁵⁹ Мой промах произошел главным образом оттого, что я (хотя не выставил даты даже предположительно) считал это письмо написанным в начале сентября 1853 г., в связи с приездом в Лондон М. С. Щепкина, в тот момент, когда Герцену с ним «сначала было очень хорошо»⁶⁰. М. К. Лемке, судя по месту, которое он дал этому письму среди других и по предположительной его датировке, связывает его с приездом из России Н. П. и Н. А. Огаревых в апреле 1856 г. Некоторую тень сомнения в правильности такого приуроченья я не могу отогнать. Когда я читаю: «Геймаркт сделался для меня Маросейкой и Реджент-стрит — Кузнецким мостом с тех пор, как я хожу заказывать третий день тарелку и покупаю себе шляпу, которая нужна ему, а он платит»⁶¹, — когда я читаю эти слова, они кажутся мне относящимися во всяком случае не к Огареву. Едва ли первый был так беспомощен среди людей, говорящих на чужом языке. Почему в таком горячем излиянии друзьям ни единого слова о Н. А. Тучковой-Огаревой? «Он меня так расколыхал, — читаем мы в том же письме, — что я плакал, плакал... да не горько! Заставьте опять поплакать. И как человек-то слаб: и теперь сижу один и плачу, как сам М[ихаил] Сем[енович] лучше не плакал. Да, его приезд — это был голубь на ковчеге...»⁶² Не звучат ли эти слова рассказом о ком-то, кто приезжал на время и кого сейчас нет? А ведь Огаревы поселились в Лондоне, и началась длинная бесперебойная полоса их общения с Герценом. И почему М. К. Лемке, столь исключительно аккуратный в данном отношении, не пояснил под строкой, кто этот «он», о котором пишет Герцен? Не было ли и у него какого-нибудь сомнения?

Нелишними будут несколько мелких поправок в комментариях. На стр. 19 надо вставить дату рождения И. П. Галахова — 1809 г. На стр. 39, в датировке письма на имя Т. Н. и Е. Б. Грановских, октябрь должен быть заменен ноябрем. На стр. 45 сведения о Вильгельме Вольфсоне надо дополнить указанием, что интересные данные о нем находятся в переписке родителей Б. Н. Чичерина в архиве последнего, хранящемся в Ленинской библиотеке. На стр. 102 вместо сообщенного о Богданове поставить: «по всей вероятности, А. Ф. Богданов, зять М. С. Щепкина, муж его сестры Елизаветы Семеновны. О нем упоминается в театральных мемуарах А. И. Шуберт «Моя жизнь».

Фактические указания некоторых писем вносят поправки в хронологическую канву М. К. Лемке. Прибытие в Берлин датируется не 27, а 18 февраля, отъезд оттуда не 1, а 7 марта 1847 г. Прибытие в Кельн — 12 марта, в Брюссель — 15 марта⁶³. В конце того же года не один лишь раз, 20 ноября, Герцен видался с И. П. Галаховым, а «с ним провел недели три в Ницце очень хорошо»⁶⁴.

Других отдельных сборников, целиком посвященных вновь открытым герценовским текстам и появившихся в пределах СССР, я не знаю. Прочие наши сборники и периодика среди опубликованных ими новинок герценовского текста заключают главным образом письма. Из приращений не эпистолярного характера укажу следующие.

В «Новых Прописях», вышедших под редакцией М. О. Гершензона, опубликован карандашный автограф — листок карманной записной книжки с очень коротенькими хронологическими вехами жизни Герцена. Набросок сделан не ранее 1869 г. и, видимо, наспех, так как некоторые даты нуждаются в уточнении; например: «1847 — в Париже, 48 — в Риме, 49 — в Париже»⁶⁵.

COMMEMORATION OF THE
Great Revolutionary Movement of 1848.
Alliance of All Peoples!
AN
**INTERNATIONAL
SOIREE**

FOLLOWED BY
A PUBLIC MEETING

WILL BE HELD AT
**ST. MARTIN'S HALL,
LONG-ACRE,
ON
Tuesday, Feb. 27, 1855.**

The following distinguished representatives of European Democracy
have been invited:—

**French: Louis Blanc, Victor Hugo, Barbes,
Felix Pyat, Ledru Rollin, Raspail, Eugene
Sue, Pierre Leroux. German: Kinkel, Marx,
Ronge, Schapper. Italian: Pianciani, Saffi,
Mazzini, Teleki. Hungarian; Kossuth.**

POLISH:

**WORCELL, ZENO SWIENTOSLAWSKI
Russian; HERZEN.**

ENGLISH:

W. Coningham, J. Finlen, Cooper, Mayne Reid, J. Beal, Gerald Massey.

ERNEST JONES, President.

ALFRED TALENDIER, French Sec.

M. BLEY, German Sec.

DAMBROWSKI, Polish Sec.

R. CHAPMAN, English Sec.

Tea on Table at Five. Doors open for meeting at half-past Seven—
to commence at Eight.

**DOUBLE TICKETS, 2s. 6d.; SINGLE DITTO, 1s. 6d.; MEETING
DITTO, 3d.**

TICKETS MAY BE HAD AT ST. MARTIN'S HALL.

[?] B. Len., Printer, 6, Upper Fitzroy Place, New Road

АФИША ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО МИТИНГА В ЛОНДОНЕ 27 ФЕВРАЛЯ 1855 г.,
ПОСВЯЩЕННОГО РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

Среди выступающих — имя А. И. Герцена

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

Другая публикация помещена в «Звеньях» под заглавием: «А. И. Герцен. «Дуализм — это монархия». Фрагмент. Перевод с французского А. И. Рубашовой. С вступительной статьей Л. К. — Затерявшаяся статья Герцена»⁶⁶. Отрывок извлечен из очень редкого сборника «Almanach de l'Exile pour 1855» (Альманах изгнания на 1855 г.), изданного кружком эмигрантов на острове Джерсее. Эмигранты эти группировались около газеты «L'Homme» (Человек) — «органа всемирной демократии», как они ее называли. Здесь Герцен хотел печатать продолжение своих «Писем из Франции и Италии»⁶⁷, но намерение это не осуществилось. Зато он принял участие в «Альманахе». Статья датирована 29 ноября 1854 г. По мнению Л. К., она — первоначальный вариант части одиннадцатого письма, вошедшего в состав «Писем из Франции и Италии», притом в их первом, немецком, издании 1850 г. По сравнению с соответствующими страницами «письма» текст «Альманаха» очень расширен. Статья, с ее реабилитацией эгоизма, корнями уходящей в феербахианство, представляет несомненный интерес для характеристики определенного момента в развитии герценовской идеологии.

Для полноты обзора упомяну публикуемые в настоящей книге «Литературного Наследства» тексты Герцена не эпистолярного характера, дополняющие издание М. К. Лемке. Сюда относятся прежде всего статьи «Царь Александр II» (впервые помещено в журнале Мадзини «Pensiero ed Azione» за 1858 г.) и «Из воспоминаний о прошлом годе одного русского» (впервые в газете «Kosmos» за 1851 г.). К сведению занимающихся текстологией Герцена заметим, что в распоряжении редакции «Литературного Наследства» имеются копии интересных вариантов к двум статьям Герцена 1833 г.: «О месте человека в природе» и «Несколько слов о лекции Ф. Морошкина, помещенной в № 5 «Ученых записок Московского университета». Кроме того в портфеле редакции имеется копия юношеского отрывка Герцена «Толпа (разговор на площади)»; автограф хранится в Институте Русской Литературы в Ленинграде.

Известные мне русские публикации герценовской переписки в журналах и сборниках сводятся к следующему.

В только что упомянутых «Новых Пропилеях», на стр. 74, помещена датированная 1859 г. очень коротенькая анонимная латинская записка какого-то французского эмигранта с просьбой о материальной помощи.

В журнале «Каторга и ссылка» за 1926 г., № 27, Б. Николаевский поместил статью «Неизданное письмо А. И. Герцена к Адольфу Колачеку». Написанное по-французски письмо хранится среди автографов Дармштедтера в Прусской государственной библиотеке. Основываясь на словах Наталии Александровны Герцен, Б. Николаевский говорит, что в архиве Герцена нет ни одного письма Колачека, деятеля крайней левой франкфуртского собрания 1848—1849 гг., затем цюрихского эмигранта, редактора там в 1850—1851 гг. «Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» («Немецкий ежемесячник политики, науки, искусства и жизни»). В этом журнале Колачека Герцен поместил две главы из книги «С того берега» («Mein Lebewohl», по том названная «Эпilog 1849 г.», и «Omnia mea mecum porto») и «Von der Entwicklung der revolutionären Ideen in Russland» — «О развитии революционных идей в России». Б. Николаевский не дает французского подлинника, а лишь перевод письма, помеченного Ниццой и датированного 15 апреля 1851 г. Письмо обширно, интересно по личности адресата и по содержанию, целиком посвященному литературным делам, — главным образом отдельному изданию брошюры «О развитии революционных идей». Среди других имен упоминаются переводчик Герцена Вольфсон и эмигрант Ив. Гавр. Головин, ищущий издателя для своей брошюры «Черты (очерк) одной народной философии».

В той же книге «Каторги и ссылки» находим заметку Н. Макшеевой «Посещение А. И. Герцена», где воспроизведено коротенькое письмо последнего. Оно адресовано адъюнкт-профессору Военной академии А. И. Макшееву, помечено Putney, датировано 8 сентября 1858 г. и в очень любезных выражениях называет время приема.

В «Красном архиве» за 1928 г., № 31 напечатано сообщение Б. П. Козьмина «Неопубликованное письмо А. И. Герцена». Письмо датировано 8 февраля 1863 г. и

РУССКОЕ НЕЛЕГАЛЬНОЕ ИЗДА-
НИЕ ОТРЫВКА А. И. ГЕРЦЕНА
«СЕЛО И ДЕРЕВНЯ»

Публичная Библиотека им. Ле-
нина, Москва

адресовано Александру Александровичу Черкесову, в 1862 г. выехавшему за границу и сблизившемуся там с Герценом, Огаревым и Бакуниным. Оно воспроизведено по записке о Черкесове, составленной III Отделением для следственной комиссии после ареста его в августе 1865 г. Приведено повидимому целиком и довольно точно. В письме денежные счета с Черкесовым и А. Серно-Соловьевичем. Среди других имен интересны упоминания о Владимирове (очевидно Николае Львовиче), Милорадовиче (несомненно Леониде Александровиче, бывшем секретаре русского посольства в Штутгарте), Лугинине. На письме две приписки, одна — М. А. Бакунина.

В «Каторге и ссылке» за 1928 г., № 50, опубликован перевод французского письма Герцена к Викт. Павл. Гаевскому от 6 августа 1857 г. из Путнея. Автограф хранится в Государственной Публичной Библиотеке. В письме Герцен уславливается о посещении Лондонской национальной галереи вместе с Гаевским и знаменитым художником А. А. Ивановым. Письмо интересно по личности адресата, успешно начавшего служебную карьеру, но вынужденного ее бросить в связи с делом «о сношениях с лондонскими пропагандистами», впоследствии видного деятеля Литературного фонда. До сих пор ни одного письма Герцена к Гаевскому опубликовано не было.

В «Каторге и ссылке» за 1932 г., № 89, Б. П. Козьмин поместил небольшую записку Герцена, копию которой он обнаружил в архиве III Отделения, в деле А. А. Корвин-Кохановского. Последний, окончив в 1858 г. медицинский факультет Московского университета, отправился за границу «для усовершенствования по части медицины», но вместо этого занялся в Лондоне изготовлением фальшивых русских кредитных билетов и был приговорен к 10 годам каторжных работ. Записка Герцена, помеченная Parkhouse Fulham, 20 октября (1858), сообщает о днях и часах, когда Герцен принимает соотечественников, «симпатизирующих с нашей деятельностью». Б. П. Козьмин приводит выдержку из письма Кохановского, на которое отвечает Герцен и сообщает любопытные сведения о попытке русского посольства в Лондоне скомпрометировать Герцена благодаря его случайной встрече с фальшивомонетчиком.

В подборке «Новонайденные статьи и письма Герцена» в том же номере нашего журнала публикуются десять отрывков из писем Герцена к Георгу Гервегу, письмо Герцена к Гарибальди, которому он рекомендует Тургенева, и два письма Герцена к Моисею Гессу.

Во II томе «Звеньев» опубликовано 14 писем Герцена: письмо к владимирскому знакомому Герцена. Мих. Никол. Похвисневу, из Москвы, от 6 апреля 1840 г. со множеством литературных новостей, со сведениями о Чаадаеве, Хомякове, Бакуanine, Белинском, Редкине, Каткове; затем небольшая французская записочка на имя Ф. Боденштедта от 28 июня (1859), помеченная Parkhouse Fulham, — видимо ответ на просьбу об автографе, который и дан в виде цитаты из Гете; письмо к Александру Ильичу Скребицкому от 23 апреля 1866 г., из Монтре, с благодарностью за предложение прислать листы труда «Крестьянское дело в царствование императора Александра II» и наконец 11 писем к Карлу-Эдмунду Хоецкому, французско-польскому литератору, больше известному под своим псевдонимом Шарль Эдмонд. Хоецкий был участником славянского съезда в Праге в 1848 г., близким знакомым Бакунина, посредником между Герценом и Прудоном при организации газеты последнего «La Voix du peuple». Все 11 писем на французском языке. И личность адресата, и порой содержание, указывающее на затерявшиеся печатные строки Герцена, придают им значительный интерес. Вот их перечень: 1) Орсеттгауз, Вестборнтерассе, 15 августа 1861 г. Краткая автобиография. 2) Оттуда же 1 октября 1861 г. Благодарит Хоецкого за то, что он написал биографию Герцена. 3) Торкей, Девоншир, 15 октября 1861 г. Посылает «Колокол», где письмо к Бруннову (русскому послу в Лондоне)⁶⁸. Не может ли Хоецкий поместить в «Revue de deux Mondes» или другом каком журнале одну статью, над которой Герцен сейчас работает? Упоминание о письме в газету «Opinion», до сих пор неизвестно. 4) Орсеттгауз, 18 октября 1861 г. Посылает письмо к Бруннову во французском переводе и письмо в газету «Opinion». 5) Оттуда же 29 октября 1861 г. Получил портреты. Просит исправить язык его письма в «Opinion». 6) Оттуда же 21 ноября 1861 г. Извещает, что Бакунин в Америке. 7) Эльмфильдгауз Теддингтон, 27 августа 1863 г. Плохие дела «Колокола» и типографии. 8) Женева. 10 апреля 1866 г. Поздравление с замужеством дочери. 9) Оттуда же 1 июня 1866 г. Посылает свое письмо к Александру II. Ищет издателя своих сочинений. 10) Ницца. 7 августа 1867 г. О «Путеводителе по Парижу». По поводу приостановки «Колокола». Третьего дня написал в «Zukunft» опровержение слухов, что «Колокол» «скончался». Просит дружеские органы о соответствующем заявлении. 11) Оттуда же. Объяснение по поводу обиды среди поляков, вызванной статьей Огарева «Продажа имений в Западном крае» («Колокол», л. 229).

В III томе «Звеньев» будет напечатано 15 писем А. И. Герцена и Н. П. Огарева к П. В. Анненкову, публикуемых Е. Б. Покровской при участии пишущего эти строки. Из них Герцену или Герцену совместно с Огаревым принадлежит 14 писем: письмо от 6 октября 1860 г. написано одним Огаревым. Шесть писем датированы 1858 г., семь — 1860 и одно 1864. Личность адресата, близкого к Герцену и его кругу и служившего живой связью между лондонскими изгнанниками и Россией, а на склонах упрекавшего Герцена в «отчаянном пустословии», кокетничавши «перед Европой, перед клубами и либералами неизвестно им землей», характеризовавшего Герцена как «блестящий и вместе фальшивый ум»⁶⁹, делает письма очень интересными. В значительной части они писаны не только для «tante Pauline», как Герцен и Огарев шутили называли Анненкова, но и для И. С. Тургенева, деятельного информатора «Колокола» о русских делах. Это еще повышает интерес писем. Их содержание может быть характеризовано: «Колокол» и русские дела.

В Институте Русской Литературы в Ленинграде хранится еще ряд неизвестных писем Герцена. 1. Письмо Герцена к неизвестному содержит ответ на вопросы по поводу биографической справки, в которую вкрались ошибки. Письмо помечено 24 февраля, год не обозначен. Из содержания письма видно, что оно написано им в 1860—1862 гг., когда выходил в Париже трехтомный французский перевод «Былого и дум». 2. Письмо Герцена к знаменитому художнику А. А. Иванову, автору картины «Явление Христа народу», над которой он работал в Италии более четверти века. Герцен пересылает ему письмо И. П. Галахова и просит позволения зайти. Дата этого письма—4 декабря 1849 г. 3. Письмо Герцена к живописцу Мих. Петровичу Боткину, младшему брату Вас. Петр. Боткина. Датировано 5 марта 1859 г. От своего имени и от имени Огарева отвечает на вопросы М. П. Боткина о судьбах христианской живописи в наши дни. Эти вопросы,

как пишет Герцен, очень занимали Иванова, и Огарев собирался писать ему длинное письмо, но смерть Иванова «остановила нас». Письмо должно занять видное место среди материалов, характеризующих идейный кризис, пережитый Ивановым, после 1848 г. — между прочим, под сильным влиянием Герцена. 4. Письмо Герцена к французско-бельгийскому издателю и писателю Альберту Лакруа. Просит прислать № II «Путеводителя по Парижу». Письмо от 24 июня Лакруа получил, но не отвечал, желая предложить для издания целый том своих статей о России. Письмо послано из Ниццы, без даты, но последняя легко устанавливается по связи с письмом к Огареву от 27 июня 1867 г. (т. XIX, стр. 377). 5. Письмо Герцена к Лакруа, Вербуховскому и К^о, из Женевы, от 21 июня 1867 г. Предлагает издать на французском языке сборник своих произведений. Пьер Леру обещает ему свою помощь в переводе. Помощь эта для Герцена очень ценна и необходима, так как он «порядочно разучился» писать по-французски.

Зарубежные русские публикации герценовских текстов известны мне крайне недостаточно, случайно и, за одним исключением, из вторых рук.

В журнале «Каторга и ссылка», за 1929 г., № 51, имеется интересная статья Бор. Н-ского — «Новое о прошлом в русской зарубежной литературе». Автор подробно характеризует содержание «Исповеди» В. И. Кельсиева («Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, 1923, т. XI, стр. 169—310). В «Исповеди» отведено специальное место рассказу о сношениях Герцена со старообрядцами, о распространении «Колокола», и не исключена возможность, что в ней могут оказаться какие-нибудь следы герценовского текста. Автор говорит о небрежной редакции и «полном отсутствии элементарно-необходимых комментариев». В настоящее время «Литературным Наследством» подготовлен к печати полный текст «Исповеди» Кельсиева с подробными комментариями.

В сборнике «На чужой стороне», издание книгоиздательств «Ватага» (Берлин) и «Пламя» (Прага), т. VIII, 1924, стр. 213—219, помещен ряд статей А. И. Ляковского «Культурная работа А. И. Герцена в Вятке (по неизданным материалам)». Автор прослеживает работу Герцена в Вятке по губернскому статистическому комитету, по организации сельскохозяйственной выставки и по созданию публичной библиотеки. По двум последним вопросам нового материала нет, но о роли Герцена в создании статистического комитета — немало нового. Кроме вещей, известных М. К. Лемке (т. I, стр. 536; т. XII, стр. 381—382) по делу статистического комитета, А. И. Ляковский устанавливает, что перу Герцена принадлежит обширная «Записка о собирании статистических сведений». В ней развернута целая программа работ статистического комитета. У Лемке о ней нет никакого упоминания. По словам Бор. Н-ского, Ляковский, к сожалению, дает лишь отрывки из «Записки». Особенно интересна «Записка» в той ее части, где речь идет об выводах из собираемых статистических данных — относительно движения народонаселения, смертности, состояния народного образования и пр. Эта часть записки не получила утверждения губернатора. В том же очерке А. И. Ляковского — сообщение о судьбе рукописи Герцена «Опыты статистической монографии Вятской губернии», относительно участия Герцена в собирании сведений об исторических памятниках и т. п. «Насколько можно судить по указаниям А. И. Ляковского, — говорит Бор. Н-ский, — используемые им в этой части статьи документы могут дать некоторые материалы для решения вопроса о принадлежности Герцену некоторых статей в «Вятских Губернских Ведомостях», помещенных без подписи»⁷⁰.

В той же статье Б. Н-ского дан отчет о статье С. И. Р. «Письма Мадзини и его русские друзья», помещенной в «Воле России», Прага, № 6 от 1 декабря 1923 г. Речь идет о трехтомном собрании писем Мадзини к членам семьи Ашерт: «Madzini's Letters to an English Family». Автор статьи выбрал из этого издания то немногое, что относится к русским знакомым Мадзини. Упоминаются Тургенев, Бакунин, Огарев. Интереснее указание на Герцена. Прежде всего обращает на себя внимание отрывок из одного письма Герцена к Мадзини от 1866 г. Повидимому только этот отрывок из писем Герцена к его итальянскому другу и дошел до нас, так как письмо, напечатанное М. К. Лемке (т. VI, стр. 140—145), по справедливому замечанию автора статьи, относится скорее к категории открытых писем, чем к частной пе-

реписке. Исключительного внимания заслуживает то, что письма Мадзини дают несколько указаний на сотрудничество Герцена в его итальянских журналах. Эти указания могут привести к разысканию затерянных итальянских статей Герцена. Упомянутая выше статья Герцена «Александр II» из журнала Мадзини «Pensiero ed Azione» найдена именно таким путем.

В III выпуске «Временника Общества друзей русской книги» (Париж, 1932), в статье Я. Б. Полонского «Литературный архив И. С. Гагарина. Неизданные материалы», помещены два до сих пор не появлявшихся в печати письма Герцена⁷¹.

Князь Ив. Серг. Гагарин — известный и по неоднократным упоминаниям Герцена аристократ, принявший католичество, основатель и поныне существующей в Париже Славянской библиотеки. «После него, — пишет Я. Б. Полонский, — остался богатейший архив, в котором имеются неизданные письма Ф. Тютчева, А. К. Толстого, И. Тургенева, Лескова, Дантеса (убийцы Пушкина), Герцена, И. Аксакова, Соболевского (друга Пушкина), Чаадаева, И. Киреевского, Ю. Самарина, Свечиной и др.». Быть может дело не ограничивается только двумя письмами Герцена?

В виду несомненного интереса писем, а с другой стороны — их недоступности, повторяем их текст с небольшими, самыми необходимыми комментариями.

I

21 июля 1860 г. 10 Alpha road. S. John's Wood.

Милостивый государь, позвольте мне поблагодарить вас за ваше доброе внимание. Чаадаева я действительно любил и уважал много. Я у него имел удовольствие встречаться с вами — полагаю в 1843 или 44 году.

У вас есть значительная ошибка, вы можете ее исправить в следующей книге, о которой вы говорите. Письма Чаадаева не были писаны к Екат. Ник. Орловой, а к Екатерине Гавриловне Левашевой. (В ее доме и жил Чаадаев, на Басманной.) Это была женщина необыкновенно развитая, много и тихо страдавшая, она умерла — лет сорока, и Чаадаев, говоря раз со мною о ней, превосходно выразился: «Женщина эта «изошла любовью»...

В моей жизни она тоже играет роль (Полярная звезда, кажется в 4 книге, 143 стр.), — и я прошу у вас позволения явиться за нее адвокатом — в праве на письмо.

Примите уверение в моем искреннем почтении.

А. Герцен.

Герцен ошибся, или описался публикатор: не в 4-й, а в 3-й книге «Полярной Звезды», на стр. 143, действительно упоминается Е. Г. Левашева: там, в рассказе о похищении Герценом Н. А. Захарьиной, говорится, как умирая, Левашева послала ему и его невесте свое благословение и «дала на случай нужды теплую шаль». Есть в письме и несомненная ошибка Герцена: адресатом Чаадаева надо считать не Левашеву, а Е. Д. Панову.

Письмо Герцена вызвано несомненно тем, что Гагарин, напечатав в 1860 г. в журнале «Correspondent» известное философическое письмо Чаадаева, за которое Николай I объявил его сумасшедшим, послал оттиск Герцену.

II

19 июня 1862. Orsetthouse. Westbourn Terrace.

Позвольте мне от души вас поблагодарить за присланную книгу П. Я. Чаадаева. Если не сделал это прежде — то могу защищаться английским alibi, нашел книгу вчера, возвратясь лишь с Isle of Wight.

У меня есть два экземпляра большого портрета — и потому позвольте отказаться от предлагаемого вами.

В русской журналистике переворот. Дозволено явно нападать на «Колокол», печатать статьи против нас. И это не все — полемика «Север[ной] Пчелы» и «Совр[емен-

ника]» по поводу университетского дела — идет возрастая в смелости. — Пожары непонятны, — нам видно одно зарево издали.

Книги Чаадаева я не успел еще прочитать — еще раз благодарю вас за это истинное удовольствие — доставленное мне.

Душевно преданный вам А. л. Герцен.

Книга, за которую благодарит Герцен, — несомненно «Oeuvres choisies de P. Tchadaief», изданные в Париже Гагариным в 1862 г.

Думая этим ослабить влияние «Колокола», царское правительство в 1862 г. разрешило русской печати возражать на его статьи. Дали понять Каткову, что хотели бы видеть его выступление. Он разумеется не заставил себя долго ждать. Вот например в «Современной Летописи Русского Вестника» № 20 за 1862 г., не называя Герцена по имени, говорится о «свободном артисте», который «воображает себя представителем русского народа, решителем его судеб, распорядителем его владений и действительно вербует себе приверженцев во всех углах русского царства, а сам, сидя в безопасности за спиною лондонского полсмена, для своего развлечения вызывает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью».

Непонятные Герцену пожары — это те петербургские пожары в мае 1862 г., которые вызвали большую панику в связи с появлением почти накануне их прокламаций «Молодой России».

Весьма значительным по размеру и ценным по содержанию пополнением переписки Герцена явился «Архив Огаревых»⁷². Здесь помещено 26 писем Н. А. Тучковой-Огаревой к А. И. Герцену с 1865 по 1870 г. Как и другие материалы, вошедшие в эту книгу и составляющие, в сущности, пятый том «Русских Пропилеев», письма собраны М. О. Гершензоном. Они бросают яркий свет на взаимные отношения между А. И. Герценом, Н. А. Тучковой-Огаревой и Н. П. Огаревым.

Два письма Огарева к Герцену из-за границы от 1845 г. помещены мною в I томе «Звеньев». Черновики двух писем А. И. Скребницкого к Герцену от 1866 г. помещены во II томе «Звеньев». Письма Моисея Гесса к Герцену даны в настоящей книге журнала.

Как ни случайны приведенные заметки, как ни велика вероятность возможных пропусков, — на один вывод мы имеем право. Считать литературное наследство Герцена вполне учтенным — никак нельзя. Здесь необходимы самые тщательные поиски как в области юношеских замыслов Герцена, так — особенно — в области его обширных и разнообразных связей с Западом. В последнем отношении ни с чем несравнимую помощь должен оказать архив Герцена, хранящийся в Женеве у Н. А. Герцен. Полное его издание — настоятельная необходимость нашего литературоведения и горячее желание всех почитателей памяти автора «Былого и дум».

Н. Мендельсон

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. «Тургенев и круг «Современника». Незданные материалы. 1847—1861». «Academia». М.—Л., 1930, стр. 267—268, 304. «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова». Женева, 1892, стр. 91—92. «А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке», т. VIII, стр. 354—355. В дальнейшем все ссылки без заглавия, с обозначением лишь тома и страниц, относятся к этому изданию.

² Т. XXI, стр. 298—306.

³ В сборник вошли: Записки одного молодого человека. — По поводу одной драмы. — Капризы и раздумье. — Сорока-воровка. — Из сочинений доктора Крупова «О душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности». — Новые вариации на старые темы. — Несколько замечаний об историческом развитии чести. — Письма из Avenue Marigny. — Гофман. — Дилетантизм в науке и дилетантизм романтики. Цех ученых и буддизм в науке.

⁴ «Письма об изучении природы» впервые были напечатаны в «Отечественных Записках» за 1845—1846 гг. Отпечатанное в 1870 г. отдельное издание под заглавием «Письма об изучении природы. Сочинение автора «Раздумья». СПб.» — было уничтожено цензурой. Четыре статьи под общим заглавием «Дилетантизм в науке» помещены в «Отечественных Записках» за 1843 г.

⁵ «Знаменитые современники. Гофман» («Телескоп» 1836, ч. XXXIII).

- ⁶ Первое издание сборника «Прерванные рассказы» вышло в Лондоне в 1854 г.
- ⁷ В издании М. К. Лемке «Альпийские виды» составляют IV главу VII части (отрывков) из «Былого и дум» (1865—1868 гг.). Первые две части этой главы впервые были напечатаны в № 16 «Недели» 1869 г.
- ⁸ Впервые напечатано в сборнике «Из «Колокола» и «Полярной Звезды». Лондон, 1864.
- ⁹ Герцен ошибся в годе: первые четыре письма, включенные потом в «Письма из Франции и Италии», были впервые помещены в X и XI кн. «Современника» за 1847 г.
- ¹⁰ Впервые вышло отдельной брошюрой по-французски в Лондоне в 1858 г. — «La France ou l'Angleterre? Variations russes sur la thême de l'attentat du 14 janvier». В том же году, немного позже, вышел русский перевод, действительно неудачный и сделанный, надо полагать, поляком, так как содержит много грубых полонизмов.
- ¹¹ См. статью А. Ф. Пантелеева, К материалам об издании сочинений А. И. Герцена, («Голос Минувшего» 1917, кн. XI—XII).
- ¹² Доклад напечатан дважды: в кн. I «Голоса Минувшего» за 1917 г. Б. Федоровым и вторично, без упоминания о первой публикации, А. С. Николаевым в кн. III. «Красного архива» (1923 г.).
- ¹³ См. С. А. Переселенков, Как разрешено было первое у нас издание собрания сочинений и писем А. И. Герцена («Дела и дни» 1920, кн. I, стр. 429—431).
- ¹⁴ Предпочитаю терминологию Герцена и Огарева и везде пишу «[ист]», а не «номер» «Колокола» такой-то.
- ¹⁵ Т. IX, стр. 364, 367.
- ¹⁶ См. Г. Е. Сыроечковский, Корф в полемике с Герценом. — «Красный архив» 1925 г., т. X.
- ¹⁷ Т. X, стр. 171—179.
- ¹⁸ Некоторые разночтения не лишены интереса. Наиболее серьезное относится к тому абзацу печатного текста, который начинается со слов: «Кто сочинял правила для студентов?» В окончательной редакции автор спрашивает между прочим: «Или сам попечитель?» — а в черновике: «Или сам с увлекательной наружностью для дам немудреного поведения попечитель?» Из окончательного текста совсем исчезли следующие фразы: «Вероятно, устав не дошел и не дойдет до государя. Если дойдет, то он не утвердит его. Александр II, несмотря на свои ошибки и промахи, благородный человек; он не утвердит этого устава, потому что этот устав подлый».
- ¹⁹ Т. XXII, стр. 142.
- ²⁰ Т. XIX, стр. 273—274.
- ²¹ Лл. 231/232 (1 января 1867 г.), 233/234 (1 февраля 1867 г.) и 235/236 (1 марта 1867 г.).
- ²² «Русская Мысль» 1888 — кн. VII, IX, X, XI; 1889 — кн. I, IV, V, XI, XII; 1890 — кн. III, IV, VIII, IX, X; 1891 — кн. VI, VII, VIII; 1892 — кн. VI, VII, VIII, IX.
- ²³ «Русская Мысль» 1888, кн. X, стр. 1—11.
- ²⁴ «Русская Мысль» 1889, кн. I, стр. 4—5.
- ²⁵ «Русская Мысль» 1889, кн. I, стр. 5—7.
- ²⁶ «Русская Мысль» 1888, кн. IX, стр. 1—16.
- ²⁷ «Русская Мысль» 1889, кн. I, стр. 7—9.
- ²⁸ «Русская Мысль» 1888, кн. IX, стр. 8.
- ²⁹ «Русская Мысль» 1888, кн. IX, стр. 12.
- ³⁰ «Русская Мысль» 1889, кн. I, стр. 12.
- ³¹ «Русская Мысль» 1889, кн. IV, стр. 6.
- ³² «Русская Мысль» 1890, кн. IV, стр. 3.
- ³³ «Русская Мысль» 1891, кн. VI, стр. 10.
- ³⁴ «Русская Мысль» 1891, кн. VI, стр. 4.
- ³⁵ Том II, стр. 343—345, 418, т. III, стр. 157.
- ³⁶ Разумеется, как явствует из заключающего в скобки, заметке этой место не в X томе, где (стр. 31—32) она помещена.
- ³⁷ «Колокол». Однодневная газета памяти А. И. Герцена. Издание Музея Революции. Под ред. М. К. Лемке. Петроград, 21 января 1920 г.
- ³⁸ Т. XI, стр. 58.
- ³⁹ А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским. Издание М. и С. Сабашниковых, М., 1928, стр. 165.
- ⁴⁰ «М. А. Бакунин в Швеции в 1863 г.» — статья в сборнике «Михаил Бакунин. 1876—1926». М., 1926, стр. 36, 37, 44.
- ⁴¹ «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского дома», Петроград, 1922, стр. 189, 199.
- ⁴² «Письма из Франции и Италии» — «С того берега». Под ред. Л. Б. Каменева. М. — Л., 1931, стр. 368.
- ⁴³ Т. III, стр. 443, 455, 458.
- ⁴⁴ Т. V, стр. 531.

⁴⁵ Окончание текстологического этюда об этих двух главах задерживается отсутствием у меня первого, немецкого, издания «С того берега».

⁴⁶ Т. IX, стр. 6. «Колокол», л. 2.

⁴⁷ Т. III, стр. 277.

⁴⁸ «Ба! Ведь это знаменитый немецкий поэт, г. Кете, который написал... написал... а, да! Мессиаду!» II, 464. Кстати, для рядового читателя должно было бы быть пояснено, что «Мессиада» написана не Гете, а Клопштоком.

⁴⁹ См. статью Я. З. Черняка, Конец Огаревского дела (по неопубликованным материалам) в «Новом мире» 1929, кн. X.

⁵⁰ А. И. Герцен. «Былое и думы». В трех томах. По редакции Л. Б. Каменева. Комментарий. Указатель личных имен. ГИЗ. М.—Л., 1932, стр. 254.

⁵¹ Л. В. Крестова, Источники «Легенды о св. Феодоре» А. И. Герцена в «Сборнике памяти П. Н. Сакулина». М., 1931, стр. 117.

⁵² Т. XIV, стр. 855.

⁵³ «Красный архив», т. III, стр. 79.

⁵⁴ «Жизнь искусства», 4 февраля 1920, № 162. Отчет о концерте в память Герцена и вступительном слове Н. Ф. Финдейзена.

⁵⁵ А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии.—С того берега.—Под ред., с вводной статьей и комментариями Л. Б. Каменева, М.—Л., 1931, стр. 363.

⁵⁶ Стр. 45—58. Еще до выхода «Новых материалов» письмо было напечатано мною во II кн. «Печати и революции» за 1926 г.

⁵⁷ Названная книга, стр. 460.

⁵⁸ «Новые материалы», стр. 79—80.

⁵⁹ Т. VIII, стр. 276—277.

⁶⁰ «Новые материалы», стр. 80, письмо от 5 сентября [1853].

⁶¹ «Новые материалы», стр. 80.

⁶² «Новые материалы», стр. 80.

⁶³ Т. XXII, стр. 241. «Новые материалы», стр. 26, 32, 34.

⁶⁴ Т. XXII, стр. 243. «Новые материалы», стр. 70.

⁶⁵ «Новые Пропилеи». Под редакцией М. О. Гершензона. 1923, ГИЗ. М.—П., стр. 73.

⁶⁶ «Звенья». Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. Под редакцией Влад. Бонч-Бруевича, Л. Б. Каменева и А. В. Луначарского. Т. I, стр. 155—166.

⁶⁷ Т. VIII, стр. 21.

⁶⁸ Очевидно «Бруты и Кассии III Отделения», в л. 109. См. т. XI, стр. 248.

⁶⁹ «Былое» 1922, № 18, стр. 13. — «Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года. Из воспоминаний П. В. Анненкова», с предисловием Н. О. Лернера.

⁷⁰ Кстати, не говорят ли новые материалы А. И. Ляковского чего-нибудь о панегирике Герцену, написанном губернатором Тюфяевым? Не принимал ли сам Герцен участия в его составлении?

⁷¹ Эти же два письма были напечатаны Я. Б. Полонским в 1929 г. в фельетоне парижских «Последних новостей» под заглавием «Архив кн. Гагарина в Париже. I. Неизданные письма Герцена». Точной даты появления этого фельетона определить не могу. В виде газетной резки он был прислан в Ленинскую библиотеку в сопровождении препроводительного письма Я. Полонского, на бланке «Société des amis du livre russe. Comité directeur — secrétaire général», помеченного 10 декабря 1929 г.

⁷² Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Редакция и предисловие В. П. Полонского. Примечание Н. М. Мендельсона и Я. З. Черняка. М.—Л., ГИЗ, 1930.